
МАРИЯ ВОРОНОВА

~~~~~ роман ~~~~~

КРАДЕНОЕ СЧАСТЬЕ

Книги Марии Вороновой для тех, кто не ждет от жизни чудес, а знает, что счастье в семье дается ежедневной заботой, любовью, верностью и преданностью.

А. МАРИНИНА

Большая любовь. Романы М. Вороновой

Мария Воронова
Краденое счастье

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Краденое счастье / М. В. Воронова — «Автор»,
2017 — (Большая любовь. Романы М. Вороновой)

ISBN 978-5-699-97118-3

Подполковник Зиганшин уже всё придумал: чтобы жить хорошо и счастливо, нужно жениться на соседке Фриде, рыжеволосой девушке, которая так притягательна, трогательна и умна. Она могла бы гармонично вписаться в его мир, подружиться с его детьми. Но череда страшных преступлений, расследуемых Зиганшиным, все больше отдаляет его от желанной цели, от покоя и сближения с Фридой. Неужели простое человеческое счастье для него невозможно?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97118-3

© Воронова М. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мария Воронова

Краденое счастье

© Воронова М., 2017

© Адарченко Е., фото на переплете, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Самым любимым отдыхом Зиганшина был поход в лес за грибами. Как только начинался сезон, Мстислав Юрьевич доставал с чердака корзину и болотные сапоги и рано утром отправлялся в лес, по счастью, начинавшийся сразу на задах его участка. Отмахивал километров десять или пятнадцать, преодолевал бурелом и болото и, рискуя заблудиться, пробирался в самые глухие лесные уголки.

Не было большей радости, чем среди узловатых корней старой ели, под ржавой прошлогодней хвоей разглядеть крепкую бархатистую шляпку боровика и с замиранием сердца срезать ножку, гадая, червивый или нет. А потом выбраться из чащи на полянку, поросшую густой и высокой травой, поблескивающей от солнечных лучей, предвкушая хороший урожай грибов, которые так любят прятаться в траве.

Зиганшин замечал, что в лесу его покидают обычные тревоги и тягостные раздумья, и вообще в голове становится по-хорошему пусто, мысли текут словно сами собой, неспешные и простые, и в душе воцаряется благодать и спокойствие.

Увы, теперь с одинокими походами в лес пришлось завязать, как и со многими другими привычками.

Три месяца назад трагически погибла единокровная сестра Зиганшина, оставив двоих детей¹, и Мстиславу Юрьевичу пришлось взять племянников к себе, потому что иначе их определили бы в детский дом. Вся жизнь его изменилась, причем совсем не так, как он предполагал, и оказалось, что у него, одинокого холостого мужчины, абсолютно нереалистичные представления о детях, но Зиганшин старался и ни одной секунды не жалел о принятом решении. Наоборот, прошло совсем немного времени, и ему стало казаться, что ребята были с ним всегда, и непонятно, как это он раньше жил один. Как было возможно делать все, что хочется, ни на кого не оглядываясь, и думать только о собственных интересах? Теперь такое нельзя было даже вообразить, и слава богу!

Дети пристрастились ходить за грибами не меньше, чем сам Зиганшин, и любимое времяпрепровождение превратилось в какую-то профанацию. Света с Юрой не могли угнаться за Зиганшиным, поэтому пришлось существенно снизить темп и следить за племянниками, чтобы не заблудились, вместо того чтобы высматривать грибы. У Светы был острый глаз, а Юра еще не умел сосредоточиться, пропускал хорошие грибы, страшно огорчался, и Мстиславу Юрьевичу приходилось деликатно «наводить его на цель», а не складывать добычу в собственную корзинку.

Сегодня Зиганшин привел детей на свое любимое место, в посадки. На островке ровной земли среди болотных кочек лесники высадили ровные, в ниточку, ряды елей, теперь деревья подросли, сплелись ветвями, и нужно было продираться сквозь них, чтобы обнаружить ярко-желтые россыпи лисичек или заметить вдалеке силуэт благородного дубовика.

Мстислав Юрьевич стал хищно выглядывать добычу. Сегодня ему не везло, а Света, маленькая «хапуга», уже насшибала полкорзинки белых, и то, что девчонка оказалась впереди, сильно бесило Зиганшина.

«Она полностью сконцентрировалась на грибах, а я должен все время за ней и Юрой смотреть, поэтому ничего удивительного, что у нее больше, — думал Зиганшин, злясь на себя,

---

¹ Прочитать об этом можно в романе М. Вороновой «Пропущенный вызов». — Прим. ред.

что нуждается в столь детских утешениях. – Итак, большая грибная охота уходит в разряд воспоминаний. Элина, кажется, тоже. Домой ее теперь не позовешь, а суетиться, искать место, ей-богу, того не стоит. Она все время боится, что муж каким-то образом застучает, я переживаю, что дети одни, в общем, никакой радости».

Он вздохнул. Чувствуя, что Элина, давняя любовница и деловой партнер, в глубине души обрадовалась избавлению от сексуального компонента их отношений, Зиганшин не хотел признавать справедливость этого открытия.

«Ладно, заслужила, – улыбнулся он, – любовница – минус, что дальше? Похоже, на очереди служба».

Зиганшин состоял в должности начкрима одного из отделов полиции города. Он не хотел снимать погоны, но необходимость перемен виделась ему все яснее. Дело было не в том, что служба требовала почти все его время, и не в опасностях, которым он изредка подвергался. Если он выйдет в отставку, не станет прохлаждаться на пенсии, а найдет нормальную работу, требующую времени, а может быть, и отваги. Детей надо поднимать и воспитать достойно, а без денег сделать это непросто.

Дело было в другом. Во-первых, Мстислав Юрьевич прекрасно понимал, что достиг своего потолка по службе и до конца просидит в кресле начальника криминальной полиции. Имеется у него один недостаток, погубивший, наверное, не меньше блестящих карьер, чем пристрастие к вину: он слишком хорош на своем месте. Создал дисциплинированный и компетентный коллектив, обеспечил прекрасную раскрываемость, бесперебойное функционирование коррупционных схем... Какой руководитель захочет лишиться столь твердой опоры, пусть даже через служебный рост этой самой опоры?

Да, Зиганшин был королем в своем отделе, но прекрасно понимал, что в масштабе всей шахматной партии он всего лишь пешка, причем именно та самая, которой пожертвуют ради спасения настоящего короля, и в последнее время интуитивно улавливал, что фигуры на доске выстраиваются как-то неблагоприятно.

Пока Мстислав Юрьевич был один, сам по себе, перспектива ареста и суда не слишком его пугала, он принимал ее как неизбежный риск, необходимое условие, чтобы стать кем-то большим, чем простой опер, точно так же, как он, попав на войну, знал, что может быть убит, и мирился с этой мыслью, потому что прослыть трусом казалось еще хуже.

Теперь все изменилось. Что будет с детьми, если его посадят? Никто не станет хлопотать даже о том, чтобы им попасть в хороший детский дом... Пусть они не родные его дети, а племянники, но раз он взял их на воспитание после смерти сестры Наташи, значит, тень его позора ляжет и на них.

Зиганшин нагнулся к поросшей изумрудным мхом кочке, где ему показался боровичок. Нет, всего лишь поганка, с досадой понял он, и тут же заметил желтые шляпки лисичек, причудливой формой похожие на цветы. «Скоро уже осень, – подумал он, глядя, как, кружась, опадают листья с одинокой старой березы, – дети в школу пойдут, надо определяться. Тем более я только что раскрыл серию убийств, самое время уйти, так сказать, под гром аплодисментов».

В том, что он найдет достойное место, Зиганшин не сомневался, гораздо сложнее будет выйти из нынешнего «бизнеса» так, чтобы никто не затаил на него зла, но знал, что справится и с этим.

Тут он увидел метрах в пятнадцати от себя прекрасный белый гриб. Даже на таком расстоянии было понятно, какой он крепкий и ничуть не червивый. Боровик гордо стоял, не скрываясь в хвое и пожухлых листьях, как его собратья, даже странно, что опытный грибник Зиганшин не заметил его раньше.

Мстислав Юрьевич стал выпрямляться, чтобы подойти, но тут чудо заметил Юра и, охнув от восторга, бросился к боровику.

«Вот азартный! – улыбнулся про себя Зиганшин. – Порода наша такая, грибная...»

Тут его будто по голове ударило, он замер с рукой, протянутой к очередной лисичке. Наша порода... Что-то показалось очень важным в этой мысли, и Мстислав Юрьевич нахмурился, чтобы не упустить ее. До этой минуты он воспринимал Свету и Юру как несчастных осиротевших детей своей погибшей сестры, которых ему пришлось взять на воспитание главным образом потому, что никто другой не согласился. Им руководило чувство долга перед Наташей, ничего больше.

А они же его родные, у них общая кровь! Света с Юрой – внуки его отца, и это очень важно. Пока непонятно, почему важно и что последует из его открытия, которое он покамест сделал больше на уровне сердца, чем разума, но со временем все станет яснее.

Решив немного разведать окрестности, Зиганшин и дети неожиданно очутились в мертвом лесу. Из старого высохшего болота, покрытого травой цвета охры, торчали высохшие серые стволы с остатками коры и в пятнах лишайников. Невысокие и тонкие, они почти беззвучно валились, стоило Зиганшину их задеть.

Дети примолкли, и вдруг воцарилась до неправдоподобности полная тишина. Зиганшин заметил, как между кочек промелькнул и исчез хвост змеи, раздалось тяжелое хлопанье крыльев, и совсем близко от них на мертвое дерево опустилась ворона. Покрутив головой, она каркнула, и Зиганшин почувствовал, как Света прильнула к нему.

Небо вдруг стало стремительно гаснуть, затягиваться тучами, темными, как черника. Поднялся ветер, и Мстислав Юрьевич быстро увел детей обратно в посадки, где, как ему казалось, риск попасть под падающее дерево меньше.

После сильного порыва все снова стихло, и вдруг небо прорезала короткая вспышка белого света, а через секунду прямо над их головами раздался тяжелый и сильный удар грома. Дети вздрогнули, и Зиганшин прижал их к себе, не зная толком, послужат ли его руки какой-нибудь защитой от молнии.

Он посмотрел вверх и едва не ослеп от новой молнии, на секунду словно бы нарисовавшей в сером небе карту реки со всеми притоками. В этот раз гроыхнуло еще быстрее, почти одновременно со вспышкой света, и Зиганшин понял, что они находятся в эпицентре грозы.

Племянница спрятала лицо у него под мышкой, а Юра, кажется, собрался плакать.

– Не бойтесь, – сказал Зиганшин, – перед лицом настоящей опасности нужно сохранять спокойствие. Вот случится какая-нибудь фигня, тогда и попаникуем.

Юра всхлипнул, внимательно посмотрел на него, хотел что-то спросить, но только съехал под новым ударом грома.

– Скорость звука меньше, чем скорость света, – назидательно сообщил Мстислав Юрьевич, – поэтому, если мы слышим гром, то молния уже миновала, не причинив нам вреда. Главное, отставить страх, и все будет хорошо!

– А сейчас настоящая опасность? – прошептал Юра взволнованно, но твердым голосом.

– Ну как, – улыбнулся Мстислав Юрьевич, – не совсем настоящая, но и не настолько ерундовая, чтобы можно было впадать в отчаяние.

– А почему нельзя плакать? – спросила Света. – От нас же ничего не зависит.

Зиганшин постарался сделать из своего тела что-то наподобие навеса для племянников. И, неудобно извернувшись, произнес:

– Очень мало в жизни такого, когда от тебя ничего не зависит. Всегда что-то можно сделать. Вот вы сейчас начнете плакать, я тоже растеряюсь и не смогу быстро вывести вас из леса.

Тут небо со страшным грохотом будто расколосось, и зарядил такой сильный ливень, что от напора водяных струй у Зиганшина заболела спина. Редкие молодые елочки, под которыми они прятались, нисколько не спасали от дождя.

Лило так, что в трех шагах ничего не стало видно, и Зиганшин только надеялся, что сильный дождь не может продолжаться долго. «Хорошо, что Найда с нами не пошла», – подумал он.

Найда все же была не охотничьей, а служебной собакой и не особенно любила походы за грибами, а с тех пор, как некоторые ретивые соседи стали требовать, чтобы Зиганшин водил ее на поводке и в наморднике даже в лесу, он разрешал четвероногой подруге оставаться дома.

За шумом дождя и грозы почти ничего нельзя было расслышать. Юра молча дернул Мстислава Юрьевича за руку и показал на дерево за его спиной. Зиганшин обернулся: на ветке сидела совершенно мокрая крупная птица, ястреб или канюк, и, крутя головой, бесстрашно смотрела на людей. Под таким дождем ей не взлететь.

Зиганшин отвернулся и крикнул детям, чтобы тоже не смотрели. Как иначе дать понять птице, что они не враги, а товарищи по несчастью, он не знал.

Гроза стихла так же внезапно, как и началась. Тучи пролились, и небо снова стало чистым и солнечным.

Как Зиганшин ни пытался закрывать детей, все равно они промокли насквозь, поэтому решили двигаться к шоссе и ловить попутку, чтобы быстрее оказаться дома. Лесной тропой до деревни было километра четыре, самым быстрым ходом не меньше сорока минут, и Зиганшин боялся, что дети простудятся. Посадив Юру на закорки и взяв все три корзины с грибами, которые хозяйственная племянница наотрез отказалась оставить, Мстислав Юрьевич сказал Свете бежать впереди него и двинулся за ней.

Выйдя на шоссе, Зиганшин остановился. По другую сторону дороги начиналось поле, заросшее сочной высокой травой, где-то совсем далеко виднелись крыши соседней деревни и кроны яблоневого сада, а небо над всей этой бесконечностью висело чистое и голубое, с белым новорожденным облачком, и солнце светило в лицо как ни в чем не бывало. Будто и не прошла только что ужасная гроза. «Вот бы и у людей так, – вздохнул Зиганшин, – погоревал, сколько надо, и снова на душе хорошо и ясно».

Со страшным скрипом и дребезжанием подъехала старая «буханка» цвета хаки, своеобразный раритет, украденный, как подсказывала Мстиславу Юрьевичу оперативная смекалка, из ближайшей воинской части, на котором владелец лесопилки возил небольшие заказы.

Зиганшина в округе уважали, поэтому лесопилщик остановился и принял грибников на борт. Прежде чем залезть в машину, Юра по очереди снял резиновые сапожки, вылил из каждого, наверное, по кружке воды и захохотал. Мстислав Юрьевич подумал, что первый раз после смерти Наташи слышит смех этого мальчика, и тоже улыбнулся.

Возле ворот Зиганшина маячил сосед Лев Абрамович, совершенно сухой, как с завистью отметил хозяин.

Пересидел, значит, грозу дома, а как распогодилось, сразу помчался с очередной нелепой претензией. Не стал даже ждать, пока трава подсохнет.

Выпрыгнув с высокой подножки «буханки», Мстислав Юрьевич пригласил незваного гостя в дом.

Поджатые губы Льва Абрамовича не сулили ничего хорошего, мировая скорбь и вековая мудрость прямо-таки сочились из него, но Зиганшин другого не ждал.

Наскоро извинившись, он усадил гостя в качалку на веранде, отправил Свету переодеваться в сухое, сам быстренько сменил отяжелевшую от воды лесную амуницию на треники и майку, растер Юру махровым полотенцем и наказал одеться в пижаму и шерстяные носки.

Рассудив, что сосед не развалится, если еще пять минут подождет, Мстислав Юрьевич достал из чулана бутылку виски, судя по оформлению, дорогого и пафосного, и пошел растирать детям ноги, чтобы не простудились.

Племянники сидели на кровати Светы, одним клубком с Найдой и ее щенком Пусиком. Как бывает после пережитой опасности, ребята находились в состоянии лихорадочного веселья, но тут уж, понимал Зиганшин, их никак не успокоить, пока не сгорит адреналин.

Натирая Светину узкую ступню, с такими же длинными, как у него самого, пальцами, Зиганшин размышлял, что могло понадобиться старому хрычу.

Семья, состоявшая из деда Льва Абрамовича и внучки Фриды, появилась в деревне около месяца назад. В один прекрасный день в ворота зиганшинского дома постучались. Отворив, Мстислав Юрьевич увидел сухонького старичка с продолговатой головой и унылым носом-огурцом. Старичок был облачен в ковбойку с коротким рукавом и допотопные серые брюки, вид которых почему-то вызывал в памяти старомодный эпитет «штучные». Ремень, туго затянутый на стройной талии старичка, составлял прекрасный ансамбль с босоножками, уместными скорее в музее, чем на ногах живого человека.

Вежливо представившись, старик сообщил, что будет жить в доме напротив и планирует зимовать здесь, значит, есть смысл наладить добрососедские отношения.

Зиганшин изобразил восторг, да, впрочем, и действительно обрадовался. Обычно к середине сентября дачники разъезжались, и он до апреля оставался один в деревне. Пока был самперст, одиночество его не тяготило, но с детьми спокойнее знать, что рядом есть живая душа. В случае если он вдруг упадет с лестницы и сломает шею или еще что-нибудь в этом духе, племянникам хоть будет куда бежать.

Мстислав Юрьевич показал Льву Абрамовичу собак, познакомил со Светой и Юрой, провел по своим владениям, после чего мужчины дружески простились, обменявшись телефонами.

После Зиганшин часто видел нового соседа. Неугомонный дед носился по окрестностям с мольбертом, зарисовывая местные красоты. Его издалека можно было узнать по ковбойке, а в холодные дни, на которые оказалось щедро нынешнее лето, по щегольскому хамфри-богарт-овскому плащу, видимо, ровеснику самого Хамфри Богарта, и по черному берету.

Мстислав Юрьевич всегда был приветлив, Лев Абрамович отвечал тем же, и казалось, равновесие достигнуто.

Недели через две после знакомства сосед позвонил с вопросом, не знает ли Зиганшин добросовестных и работающих мужиков, которые согласились бы починить крышу за разумную плату.

Таких мужиков Зиганшин не знал, но простая вежливость требовала от него хотя бы оценить масштаб бедствия, и он отправился к соседу.

Его встретила внучка Льва Абрамовича Фрида, такая же щуплая и маленькая, как дед, и совсем по-детски застенчивая. Ее хорошенькое личико с лучистыми зеленовато-серыми глазами и аккуратным носиком сильно портила вздернутая верхняя губа, открывающая крупные белые резцы, отчего Фрида походила на зайца. По-настоящему красивы оказались только волосы, того удивительного медно-рыжего оттенка, которого нельзя добиться никакой краской. Они обрамляли физиономию Фриды наподобие сверкающего ореола и так искрились под солнечными лучами, что Зиганшин не сразу смог отвести от них взгляд.

Девушка была одета в простое ситцевое платье. Мстислав Юрьевич быстро понял, что из выпуклостей оно скрывает только ребра, и сразу потерял к Фриде всякий интерес. Он любил статных дам, и если случалось иногда отклониться от эталонных пропорций женской фигуры, то только в плюс, но никак не в минус.

Лев Абрамович поселился в очень старом, но добротном доме. Сруб стоял на фундаменте, сложенном из огромных серых валунов, и бревна его давно почернели от времени. Мансарду, очевидно, пристроили много позже, лет через сто после закладки дома. Внутри Мстислав Юрьевич не заходил, но в открытую дверь заметил, что рыжая краска почти стерлась с

досок пола и ступеней узкой лестницы, ведущей на мансардный этаж, и рисунок на обоях уже нельзя разглядеть. Зато печь светилась от свежей побелки – наверное, Фрида пыталась, как могла, украсить быт.

Оказавшись на крыше, Зиганшин сказал, что гораздо дальновиднее и в конечном счете выгоднее будет не латать дыры, а постелить новый рубероид, а еще лучше шифер. Лев Абрамович замялся и ничего не ответил, из чего Зиганшин заключил, что дед с внучкой сильно стеснены в средствах.

«Что ж, в дождь избы не кроют, а в ведро и так не каплет», – пробормотал он и ушел, пообещав подумать над проблемой.

В воскресенье утром Зиганшин достал из сарая рулон рубероида, который хранил на всякий случай, взвалил на плечо лестницу и отправился к соседям.

Пока жил в старом доме, Мстислав Юрьевич поднаторел в починке крыш.

Он провел у соседей прекрасный день, сдирая прохудившиеся лохмотья рубероида, затем промазывая дыры специальной мастикой, запах которой вызывал в памяти разные приятные детские хулиганства. Потом прижимал новые куски, прокатывал специальным валиком, следя, чтобы ненароком не свалиться.

В Льве Абрамовиче он нашел превосходного помощника, расторопного, но не суетливого. Дед исправно варил мастику, подавал инструменты, а главное, не бегал вокруг дома и не кудачтал, что, мол, сейчас Зиганшин упадет.

Солнце пригревало, с крыши открывался прекрасный вид на луг, вдалеке, за полоской деревьев, угадывалось озеро и поблескивали золотом купола церкви соседней деревни. Мстислав Юрьевич вдруг почувствовал, что душа его летит, воспаряет над просторами, и не от каких-нибудь божественных мыслей, а просто потому, что такая красота вокруг.

«Как бы действительно не упасть», – одернул он себя и больше уже до конца работы не глядел по сторонам.

Когда дело было сделано и Зиганшин спустился с крыши, Фрида встретила его с ведром теплой воды и ковшиком. Через узкое плечо было перекинута ветхое, но кипенно-белое махровое полотенце.

Мстислав Юрьевич стянул рубашку, взял у Фриды розовый кусок мыла и стал умываться, разбрызгивая пену и отфыркиваясь.

Фрида поливала ему так, как надо, а потом он стянул с ее плеча полотенце, прижал к лицу, вдохнул аромат чистоты и уюта. И засмеялся.

Естественно, он категорически отказался от любого материального выражения благодарности за свой труд и сумел сделать это так, чтобы не обидеть интеллигентного Льва Абрамовича.

Словом, починка крыши могла бы стать началом крепкой дружбы, но не стала.

Тем же вечером его пригласили на ужин. Зиганшин накормил детей, поставил им очередной фильм про Гарри Поттера, нашел среди своих стратегических запасов спиртного бутылку хорошего вина и, попросив Свету красиво перевязать ее ленточкой, отправился в гости.

Оказавшись в совершенно деревенской комнате с маленькими подслеповатыми окнами и древними ходиками с кукушкой, Зиганшин подумал, как чужеродно смотрятся здесь Лев Абрамович и Фрида. Ни русская печь, ни лоскутное одеяло, ни высокая узкая кровать со спинками из никелированных прутьев, стоящая в углу, не могли затушевать интеллигентности и утонченности этих людей.

По стенам висело несколько картин, или, правильнее сказать, этюдов: букет пионов в круглой вазе и пара узнаваемых пейзажей – видимо, результат прогулок Льва Абрамовича по окрестностям.

Зиганшину картины понравились, он разглядывал их и восхищался не из пустой вежливости. Еще ему очень понравились оконные занавески ослепительной белизны и скатерть, при взгляде на которую сразу захотелось есть.

Фрида угощала салатом из зелени и котлетами с картошкой, а в явно старинной фарфоровой вазочке плавали невероятно вкусные малосольные огурцы.

Вообще сервировка была явно не из сельской жизни: белый тонкий фарфор со сдержанными золотыми ободками и тяжелые серебряные столовые приборы, украшенные на черенках затейливыми вензелями.

Интересное семейство, подумал Зиганшин, разворачивая старинную салфетку с полустертой монограммой.

Лев Абрамович откупорил вино и разлил по бокалам, но быстро выяснилось, что все трое являются убежденными трезвенниками, и, оценив глазами и носом тонкий букет, бутылку убрали, но Мстислав Юрьевич то ли от целого дня, проведенного на крыше, то ли от хорошей компании будто охмелел и расслабился больше обычного.

Поэтому, когда Лев Абрамович завел речь о политике и стал осторожно прощупывать Зиганшина на предмет его убеждений, не отшутился, как всегда, а искренне сказал, что не считает нужным думать и говорить о том, чего не только не может изменить, но и о чем вообще не имеет целостного представления.

«Если уж на то пошло, – продолжал он, – мы, наверное, потому так неважно живем, что не видим разницы между мыслями, словами и действиями, хотя только последнее имеет значение. Можно иметь распрекрасные убеждения, но что в них толку, если ты лентяй и трус?»

Лев Абрамович добродушно возразил, что стержнем любого действия является мысль, которая формируется и передается через слово.

Можно было бы согласиться и переменить тему, но Зиганшин почему-то закусил удила и заявил, что нечего болтать да раздумывать, а надо быть просто порядочным человеком, вот и все. И жить по собственной воле, а не растворять свой мозг в кислоте того или иного общественного мнения. Вспомнил зачем-то «Капитанскую дочку», в которой, на его взгляд, был выведен эталон честного и самостоятельного человека, не задумывавшегося о всякой сиюминутной политической ерунде, но живущего по совести, отчего в сердце его находилось место и любви, и отваге, и милосердию.

С авторитетом Пушкина Лев Абрамович вынужденно согласился, и если бы на этом Зиганшин заткнулся, все кончилось бы хорошо. Но нет, ему вдруг понадобилось сообщить, что он носит погоны, значит, слуга режима, а не его критик, и обязан выполнять приказы власти, нравятся они ему или нет. «Приказ – это святое! – заявил он. – Четкое исполнение дурного приказа приносит больше пользы, чем дурное исполнение хорошего». После этой пафосной сентенции за столом повеяло холодком, и Зиганшин почел за лучшее уйти сразу после чая, сославшись на детей.

Несколько дней Лев Абрамович избегал «слугу режима», но, увидев, как Зиганшин возвращается из леса, отрекомендовался страстным грибником и попросил в следующий раз взять его с собой.

«Ага, такой я дурак, тебе грибные места показывать», – хмыкнул Мстислав Юрьевич и повел соседа в рощицу, где, конечно, грибы попадались, но не чаще, чем в среднем по лесу.

Дед появился экипированный в старую полевую форму и с серьезным финским ножом за поясом. Он ловко пробирался через бурелом и обнаружил чрезвычайно острый глаз, находя грибы там, где Зиганшин и не подумал бы нагнуться.

К концу похода Лев Абрамович начал, кажется, что-то подозревать, а тут еще Юра возьми и ляпни: «А что мы в посадки не пошли, там же намного больше грибов!»

Мстислав Юрьевич отвел глаза. Самое ужасное, что он не мог даже попенять племяннику за длинный язык – официально Юра поступил как хороший и добрый мальчик.

Прямляв что-то невразумительное, что в посадки далеко и все бы сильно устали, Зиганшин раздраженно подумал, что истинный, природный грибник никогда не попросит собрата открыть свои тайные уголки, а если уж не сможет устоять, то с пониманием отнесется к невинному обману.

«Насшибал полную корзину и будь доволен!» – решил он и не стал обещать соседу экскурсию в посадки.

Но совесть его все же слегка пощипывала, особенно когда, проходя мимо соседского дома, он видел крышу, так прекрасно залатанную им самим. Мог бы быть в глазах Льва Абрамовича героем и полубогом, а стал солдафоном и жлобом...

Обычно Зиганшин мало волновался, что о нем думают люди, а тут почему-то хотелось исправиться, и он позвал деда с внучкой за черникой.

Сначала все складывалось прекрасно, он вывел соседей на действительно роскошный черничник, где росла не только крупная и обильная, но и по-настоящему сладкая ягода.

Фрида со Львом Абрамовичем пришли в восторг, и, казалось, все недоразумения забыты, но тут Зиганшин достал свой комбайн...

Это был конец! Все! Точка! Убей он сейчас олененка, он не пал бы ниже в глазах деда и внучки.

Фрида сказала, что куст черники растет двадцать лет не затем, чтобы Зиганшин содрал с него все листья в одну минуту, и робкий тихий голос не смягчил суровости ее слов.

Он пытался доказать, что комбайн не такой браконьерский, как были раньше, а щадящий, финского производства, им можно пользоваться легально, и сейчас все ходят за ягодами с комбайнами, руками никто уже не собирает.

Фрида ожидаемо возразила, что если все будут прыгать с крыши, он разве тоже прыгнет? Зиганшин нахамил, мол, привык разговаривать как взрослые люди, а демагогические приемы на уровне пятого класса на него не действуют.

Лев Абрамович ядовито поинтересовался с кочки, уж не Мстислав ли Юрьевич на днях призывал жить своим собственным умом? Или собственный ум нужен ему только затем, чтобы нахапать побольше, не считаясь с чужими интересами?

Черничник располагался недалеко от дома, но дорогу к нему запомнить было трудно, и без Зиганшина соседям сложно было бы выйти из леса, не рискуя заблудиться. А Зиганшин мстительно продолжал собирать ягоды своим комбайном. Дед с внучкой в гробовом молчании паслись неподалеку, причем оказалось потом, что Фрида руками собрала почти столько же, сколько Зиганшин своей техникой, только у нее черника оказалась гораздо чище.

Она несколько раз подкатывала с увещеваниями, но Зиганшин делал вид, будто не слышит, и в деревню они вернулись вместе, но врагами.

До полного бойкота не дошло, но здоровались теперь сквозь зубы, и Лев Абрамович запретил Зиганшину разворачиваться с использованием своей территории, так что ему приходилось доезжать до конца деревни. Потом дед сделал замечание, что Мстислав Юрьевич берет Найду в лес без намордника и поводка.

Зиганшин тоже хотел на чем-нибудь поймать вредного деда, но служба и заботы о детях все время отвлекали.

А теперь вот Лев Абрамович зачем-то явился в гости...

Накинув шерстяную кофту, Мстислав Юрьевич вышел на веранду, где сосед, утомившись ждать, нервно ходил из угла в угол.

– Простите, что так долго, но дети, сами понимаете. Чем обязан?

– Послушайте, Слава, вы же из органов?

– Да, – подтвердил Зиганшин, – из органов и систем. Пищеварительная, кровеносная, всякое такое.

– Я сюда не шутить пришел! – воскликнул Лев Абрамович, но быстро взял себя в руки. – Слава, послушайте, вы знаете, кто поселился в крайнем доме?

Мстислав Юрьевич покачал головой. Он вообще мало следил за деревенской общественной жизнью, сосредоточившись на собственных делах. Да, кажется, проезжая мимо крайнего дома, он с недавних пор стал замечать там какое-то шевеление, но не придавал значения.

Деревня, где жил Зиганшин, вообще была страшной глухоманью, хоть располагалась всего в часе с небольшим езды от Питера. От второстепенной дороги, связывающей райцентр с отдаленным поселком, отходило узкое разбитое шоссе, по которому не ходил уже никакой общественный транспорт, и требовалось преодолеть еще восемь километров или на машине или пешком, чтобы добраться до места. Еще дальше, через два километра, слава богу, находилась лесопилка, иначе зимой дорогу бы совсем заносило снегом.

Сама деревня представляла собой небольшую группу домов, расположенную по левую, если смотреть от города, сторону дороги, несколько поодаль от нее. А крайний дом находился по правую сторону, скрытый от посторонних взглядов разросшимися одичавшими яблонями.

Любящий уединение Зиганшин сначала хотел купить именно этот дом, много лет стоявший пустым, но ему сказали, что хозяин находится в местах лишения свободы, и Мстислав Юрьевич решил не осложнять себе жизнь сомнительной сделкой.

Теперь, видимо, домовладелец освободился.

– Это же прожженный уголовник! – воскликнул Лев Абрамович. – Слава, вы бы видели эту рожу!

– Рожа – не рожа, – протокольным голосом ответил Зиганшин, – а формально он отдал долг обществу и теперь волен жить, где хочет.

– Но это же я не знаю, что такое! – продолжал волноваться дед. – Он мне Фриду пугает! Девочка прибежала сама не своя... А у вас дети, между прочим!

– Я за ними слежу! – огрызнулся Зиганшин. – Знаете пословицу: держи дом на замке и не говори, что сосед – вор. Никогда нельзя оставаться беспечным, кто бы ни жил рядом с тобой.

– Нет, но это! Это же страшно и опасно. Поселилась какая-то сволочь, теперь шагу из дому не ступить! Как Фрида одна теперь пойдет на автобус? Слава, надо что-то делать!

Зиганшин пожал плечами:

– Что именно сделать? Нельзя же уничтожать всех плохих людей, чтобы хорошим жилось спокойнее? Это плохо. Не так плохо, конечно, как собирать чернику комбайном, но все же нехорошо.

– Я думал, вы серьезнее отнесетесь! – вскричал Лев Абрамович и заходил туда-сюда еще быстрее. – Он совершенный отморозок, он может натворить все, что угодно!

– Но официально он теперь такой же человек, как мы с вами, и имеет такие же права...

– И право приставать к моей внучке? Ладно он нас ограбит, черт с ним, но за Фриду я реально боюсь!

Зиганшин задумался, ничего не отвечая.

– Я понимаю, о чем вы сейчас думаете. Что я враждовал с вами по каким-то выдуманном поводам, а перед лицом настоящей опасности сразу прибежал просить помощи...

– Нет, – перебил Мстислав Юрьевич, – я думаю, что могу врезать вам новые замки. Дальше могу устроить Фриде водительские права, если у нее нет. Возьмите какую-нибудь развалюху, и пусть ездит хоть до Метельского, а там пересаживается на автобус. Все безопаснее, чем пешком идти. Разрешение на оружие тоже сделать могу, но не советую. Что еще? Собаку заведите. Лучше бы, конечно, щенка, но раз такая ситуация, можно уже обученную из питомника взять. Тут тоже готов посодействовать. Вот, пожалуй, все. И не надо мне сейчас этой риторики, что мы, менты, только честных граждан прессовать горазды, а против всякой сво-

лочи от нас защиты не дождешься. Пока наш новый сосед ничего не натворит, у закона к нему претензий быть не может. Это даже хорошо, что он тут поселился.

– Не понял?

– Благодаря ему вы с Фридой примете адекватные меры безопасности. Злодеи, знаете ли, прежде чем напасть, не всегда поселяются по соседству.

Лев Абрамович пожал плечами и посетовал, как несправедливо, что из-за одной гниды теперь придется менять весь жизненный уклад.

– Возможно, он не такая уж и гнида, – предположил Зиганшин. – Просто по дурости все время попадался, а к вашей внучке привязывается, потому что ему нравится, что она пугается. Для подобных людей чужой страх – лучшая пища.

– Но Фриде от этого не легче!

– Согласен, – кивнул Зиганшин, – но, думается, ей не придется долго это выносить. Надо же ему на что-то жить, или работать, или воровать, а тут ни на одном, ни на другом поприще не преуспеешь.

– Вы думаете?

Зиганшин сказал, что не видит способа, как человек может прокормиться в их глуши. Разве что шарить в округе по домам дачников, но люди теперь редко оставляют на зиму что-то ценное в своих загородных резиденциях. А лезть к кому-то из постоянно живущих опасно, пришибут.

– Ваши бы слова да богу в уши! – воскликнул Лев Абрамович и ушел, не дав никакого ответа на сделанные Зиганшиным предложения относительно водительских прав для Фриды, замка и собаки.

От визита соседа осталось смутное беспокойство, и после обеда Мстислав Юрьевич, убедившись, что дети надежно закрылись в доме, поехал к участковому, жившему в соседней деревне.

Дорогой он думал, что легко давать советы по укреплению обороны, когда ты состоятельный человек, а беспомощному интеллигентному старику куда деваться? У Льва Абрамовича с Фридой даже нет забора, так, стоят по периметру участка разрозненные кусты черноплодки, символизирующие живую изгородь. Если уж они не смогли крышу покрыть, то на нормальный забор тем более не хватит средств, вздохнул Зиганшин. А если последуют его совету относительно машины, то смогут взять только жуткую рухлядь, которая заглохнет в самый неподходящий момент, так что Фрида окажется совершенно беззащитна.

Участковый перекапывал грядки и при виде Зиганшина с явным удовольствием отложил это занятие.

Мужчины сели на нижнюю перекладину ворот, участковый закурил, а Мстислав Юрьевич просто подставил лицо солнцу. Лето близилось к концу, и в воздухе разлилось светлое и горьковатое предчувствие осени.

Листья уже кое-где меняли цвет на золотой и красный, на клумбах распустились пышные осенние цветы, а ветви яблонь склонились к земле под тяжестью плодов.

Даже сигаретный дым, летевший прямо в нос, вдруг показался Зиганшину приятным.

Хотелось просто сидеть и ловить ускользающие мгновения лета.

– Не знаешь, что за мужик у нас поселился? – спросил он.

Участковый рассказал, Зиганшин присвистнул.

Он ожидал, что ему сообщат биографию обычной уголовной шушеры, а тут человек из пятидесяти прожитых лет почти половину провел в местах лишения свободы, и все за преступления против жизни. Последний срок Николай Реутов мотал за убийство и изнасилование.

Мстислав Юрьевич никогда не считал себя ханжой и полагал, путь к спасению открыт для всех, даже для убийц. Но только не для насильников.

А тут... Лев Абрамович волновался не зря, с подобным субъектом мог бы ужиться разве что Достоевский.

Участковый заверил Мстислава Юрьевича, что провел с Реутовым беседу в жестких тонах и собирается уделять ему особое внимание, ибо среди подотчетного контингента Николай как бриллиант в короне.

Зиганшин слабо улыбнулся, как, наверное, улыбается врач, когда коллега рассказывает о перспективах лечения обнаруженного у него рака четвертой стадии.

Впрочем, участковый – мужик расторопный и дельный, может быть, есть у него какие-то методы держать Реутова в рамках.

Вернувшись домой, Зиганшин переоделся в форму и поехал к дому Реутова. Проще было бы дойти пешком, но он решил, что на джипе будет солиднее.

Участок зарос высоким бурьяном, всюду торчали ржавые стебли конского щавеля, лишь от шоссе к дому была протоптана дорожка. Сам дом оттого, что в нем долго никто не жил, осел, чуть завалился набок и с маленькими подслеповатыми оконцами имел заброшенный вид. Баня и сарай почти исчезли в зарослях высокой крапивы, а сразу за забором высилась куча мусора – какие-то изогнутые ржавые кровати, кастрюли с прогнившим дном, куски толя и склизкие от старости доски.

Грустно было думать, что человек может жить в таком запустении.

Зиганшин два раза коротко нажал на клаксон. Дверь дома открылась, и к нему вышел хозяин.

Что ж, его внешность вполне соответствовала образу старого сидельца. Тощий сутулый мужик весь в морщинах, непромытый, одетый в какое-то рваньё.

Но в деревне мало ли кто как одевается, главное – особый пустой и одновременно настороженно хищный взгляд, какого Зиганшин никогда не замечал ни у кого, кроме сидельцев.

Он вышел из машины. Увидев форму, Реутов инстинктивно отпрянул, и Мстислав Юрьевич шагнул к нему, дружелюбно улыбаясь.

– Добрый день, уважаемый! Слышал, вы наш новый сосед?

– Ага, начальник, – подтвердил Николай, обнаружив серьезную недостатку зубов и прокурный сиплый голос.

– Вот и славно, – Зиганшин улыбнулся еще шире, – а я в доме под красной черепичной крышей. Заходите, если будет какая нужда.

Реутов нахмурился и ничего не сказал.

– Вот и познакомились. Надеюсь, мы с вами мирно уживемся, без всяких...

Мстислав Юрьевич хотел сказать «эксцессов», но осекся.

– Базару нет, начальник, – с жаром подтвердил Реутов.

На том и простились.

«Злобить его пока незачем, – размышлял Зиганшин, – а тем более раскидываться пустыми угрозами. Пока он не набедокурит, мы ничего не можем, разве что наркоты ему подкинуть. С другой стороны, он хоть и полный отморозок, все же должен понимать, что насиловать женщин под носом у подполковника полиции не самое разумное занятие. А может, тупо дать ему денег, чтобы свалил в город? Нет, не вариант. Он их в три дня пропьет и вернется, зато будет понимать наше бессилие, раз мы готовы откупаться».

* * *

Руслан проснулся, как от толчка. Днем удавалось ненадолго забыть, что Инги больше нет, но по ночам мысль о ее смерти безжалостно била, будто ножом, вырывала из сна, и сердце наполнялось тупой безнадежной тяжестью.

Прошел почти месяц после ее трагической гибели, а легче нисколько не становилось.

Он лежал тихо, с закрытыми глазами, стараясь не разбудить жену, но Лиза все равно почувствовала, что Руслан проснулся.

– Руслан, если тебе надо, иди, – шепнула она, зная его привычку по ночам пить в кухне чай, не зажигая света.

Первое время после операции он не поднимался ночью, боясь, что шумом от своих костылей перебудит весь дом, но Лиза с мамой уверяли, будто спят крепко и его ночные прогулки их совершенно не тревожат.

«Наверное, врут», – подумал Руслан, протягивая руку за костылями.

Он осторожно пробрался в кухню, зажег газ под чайником и, подумав, достал из тайника бутылку виски. Может быть, если выпить сто грамм, удастся заснуть хоть на три часа, до утра? У него теперь новая должность, будь она неладна, для которой нужна свежая голова.

Руслан мучительно тосковал, может быть, не по Инге, а по невозможности вернуться в прошлое и все исправить. Ему казалось, что Инга будет всегда, и впереди еще миллион лет на то, чтобы попросить у нее прощение и загладить свою подлость. А теперь придется всегда носить в себе тяжелый груз вины... Тут Руслан одергивал себя и заставлял думать не о собственных горестях, а о трудной и трагической судьбе, выпавшей на долю молодой женщины, бывшей когда-то его любовницей.

Потом понимал, что все его сетования и сожаления не способны ничего изменить и, может быть, так он делает только хуже Ингиной душе.

Руслан ходил в храм, но, странное дело, если после ампутации ноги благодаря церкви он обрел силу духа и желание жить, то сейчас молитвы ничуть не помогали.

В храме негодование, что жизнь так несправедливо обошлась с Ингой, только усиливалось, и он с мучительным стыдом думал, что сам был частью этой несправедливости.

За те три года, что они были любовниками, Инга рассказывала о себе скупое, да Руслан не сильно интересовался, но все же мог понять, что она родилась в семье холодных, живущих напоказ людей и с младенчества была приучена «соответствовать» и «заслуживать».

Вот и вышло, что красивая и талантливая девушка могла жить яркой и полнокровной жизнью, а вместо этого соответствовала и заслуживала, не зная, что не только не обязана любить, но еще сама может быть любима, как слепой не знает солнечного света. Будто еще в младенчестве ее закутали в некую полупроницаемую мембрану, через которую от нее к людям шло и тепло, и любовь, и помощь, и поддержка, а от людей к ней не поступало совершенно ничего. Так что Инга привыкла жить без обратной связи.

В юности Инга полюбила женатого мужчину, родила от него ребенка и несколько лет состояла в унизительном положении любовницы, но вскоре после того, как нашла в себе силы порвать эти отношения, сошлась с Русланом, что оказалось ничуть не лучше для нее.

Они познакомились, когда Инга пришла к ним в клинику на должность заведующей отделением хирургии кисти. Руслан заинтересовался красивой и энергичной девушкой, она тоже обратила внимание на молодого профессора, и между ними быстро завязался роман не роман, но что-то вроде того.

Руслан тогда был женат, и хоть психическое заболевание его супруги Оли делало брак формальностью, менять Руслан ничего не собирался. Наоборот, он запретил себе влюбляться в Ингу, не желая ненужных, как ему казалось, переживаний и проблем. Он с самого начала отношений создал себе стереотип, что они – два одиноких самостоятельных человека, которым ничего друг от друга не надо, кроме секса, и твердо следовал этому стереотипу, несмотря на то, что время шло и они становились ближе, хотел он этого или не хотел.

Руслан не желал знать, что Инга, может быть, любит его и хочет стать частью его жизни – наоборот, если он видел такие знаки, то хамски игнорировал их.

Потом он поступил совсем уж некрасиво. Ольга умерла, он опьянился свободой и захотел романтики, посчитав, что имеет на это право после долгих лет верности больной жене, если не физической, то хотя бы формальной. О том, что Инга шла вместе с ним этим путем, он не думал.

Руслан увлекся пустой и подлой девушкой, а Ингу выбросил из своей жизни, не задумываясь о том, как глубоко ее ранит. Она же ведь сильный самостоятельный человек и никогда не хотела от него ничего больше, чем еженедельные встречи в постели!..

После его предательства судьба, кажется, решила, что с Инги достаточно. Жизнь ее переменялась, словно по волшебству. Она вышла замуж, родила второго ребенка, и личное счастье совпало с бурным карьерным ростом – Инга стала ректором медицинской академии.

Она расцвела, вся будто засветилась изнутри, и, встречая ее, Руслан думал, что этот чудесный свет был в ней всегда, просто суровая и судьба и долгая несчастливая жизнь пригасили его.

Почти год назад Руслан и Инга вместе попали в ДТП, он пытался уберечь ее – и действительно, молодая женщина почти не пострадала, а Руслан сильно покалечился, и впоследствии из-за осложнений пришлось отнять ногу.

Тогда он решил, что этим искупил свою вину перед Ингой, но чем больше проходило времени, тем менее героическим и значимым казался Руслану собственный поступок. Да, он пытался заслонить женщину, но кому, как не ему, опытному хирургу, знать, что в таких делах правит случайность, и трудно предвидеть, кто примет на себя главный удар. Руслан утешался только тем, что жизнь бывшей возлюбленной пошла на подъем и после трудной и несчастливой молодости Инге предстояла интересная яркая зрелость. Но в августе ректор медицинской академии Стрельникова стала жертвой серийного убийцы...

Руслан глотнул виски и закашлялся. Коллега нынешней жены Лизы, работающей следователем, Мстислав Зиганшин, звонил вчера, говорил, что убийцу вычислили и на днях возьмут.

Руслан долго не знал, что ответить, потом, спохватившись, поблагодарил Мстислава Юрьевича. Он не верил в возмездие, в то, что родным жертвы становится легче, если убийцу подвергают наказанию. Конечно, преступников надо ловить и изолировать, чтобы обеспечить людям безопасность, но знание, что маньяк пойман, несколько не облегчит Руслану боль утраты.

Хорошо, что больше он уже никому не повредит, но все же лучше бы его поймали раньше, чтобы Инга осталась жива.

Зиганшин сказал, что раскрытие удалось благодаря помощи Руслана и Колдунова, но даже сознание собственной причастности к возмездию не помогало.

Больше всего хотелось вернуться в прошлое и все изменить. Как оно бы там дальше пошло, никто не знает, но Инга, скорее всего, не погибла бы.

И он бы не встретил Лизу...

Руслан познакомился с будущей женой на исходе зимы, когда его невезучий двоюродный брат Максимилиан Голлербах попал в серьезную переделку, едва не закончившуюся обвинительным приговором. Лиза расследовала дело Макса, и только благодаря ей получилось установить истину. Руслан сначала просто восхищался этой молодой женщиной, но быстро почувствовал, что признательность переходит в нечто большее.

Тяжело заболев и перенеся ампутацию, Руслан принял решение расстаться с Лизой, но та не отступилась, и, наверное, только благодаря ей Руслан не впал в отчаяние и пережил превращение в инвалида настолько легко, насколько это вообще возможно.

К Лизе у него было не просто влечение и симпатия, с ней он впервые испытал сильное и спокойное чувство общности и понял, что означает выражение «муж и жена – плоть едина».

Руслан был счастлив, но понимал, что недостоем этого счастья и ничем его не заслужил. Если бы он только тогда остался с Ингой! Но думать о том, что могло бы быть, – самое бесполезное занятие на свете. Хотя думай не думай, а от горьких сожалений все равно не избавиться.

Он посмотрел на часы – половина четвертого. Надо идти спать, завтра назначены важные совещания. После смерти Инги профессор Колдунов какими-то титаническими усилиями, задействовав мощности, о которых Руслан боялся даже думать, устроил, что Руслана Волчеткина назначили на должность ректора. Мол, раз оперировать ты в полную силу не можешь, давай руководи.

Руслан отказывался, говорил, что критерием должно быть не отсутствие ноги, а наличие мозгов, и если в первом он абсолютно уверен, то во втором – не очень. Но наставник быстро сломил его сопротивление.

Ян Александрович Колдунов был одним из лучших хирургов города и, несмотря на то, что ему уже перевалило за шестьдесят, продолжал активно трудиться и не только много оперировал сам, но и ставил на крыло молодых докторов. Руслан отдавал себе отчет, что назначением обязан только блестящей репутации Яна Александровича и его обширным знакомствам, приобретенным за сорок лет самоотверженной работы. Колдунов поручился за него, значит, надо оправдать доверие.

Он принял должность, но потом стали мучить угрызения совести. Что-то очень подлое виделось Руслану в том, что он занял Ингино место, освободившееся именно в ту минуту, когда наступившая инвалидность поставила крест на его хирургической карьере.

С Колдуновым Руслан не мог об этом говорить и поделился с Зиганшиным, к которому чувствовал странную симпатию. Лиза призналась, что до недавнего времени терпеть не могла своего начальника криминального отдела, и они все время цапались из-за принципиальных разногласий и просто так. Но жизнь распорядилась так, что им пришлось действовать вместе, и корыстолюбивый бирюк Зиганшин раскрылся с неожиданной стороны, как-то незаметно для всех став и другом дома.

Во время того разговора Мстислав Юрьевич подумал, а потом сказал, что когда в бою убивают командира, солдаты не садятся бессильно рыдать, а продолжают наступление, и кто-то занимает место командира, даже если ему страшно и не совсем понятно, что делать.

«Пока жив, иди сражайся, а упадешь, когда убьют», – буркнул Зиганшин.

После этой встречи Руслан огляделся и обнаружил, что все занимаются своими делами. Даже Колдунов, бывший искренне привязан к Инге, после ее смерти продолжал жить как раньше.

А Руслан никак не хотел возвращаться к привычному ритму, может быть, надеялся, что его скорбь хоть немного поможет тени Инги удержаться среди живых...

На пороге кухни появилась Лиза, смешная и сонная в ситцевом халатике, накинутом поверх ночной рубашки. Она остановилась в дверях, с робкой улыбкой глядя на Руслана. Он не рассказывал Лизе о том, что несколько лет был любовником Инги, и очень не хотел, чтобы ей как-нибудь стороной стало все известно. Не потому, что боялся ее ревности, дело, в конце концов, прошлое, а стыдился своего предательства. Ему казалось, Лиза не сможет любить его, если узнает всю правду.

– Ты хочешь чаю? – спросил он угрюмо.

Лиза покачала головой.

– Тогда иди спать. Иди, Лиза, я хочу побыть один.

Лиза исчезла в темном коридоре, оставив Руслана один на один с чувством вины.

Жена думает, что он переживает из-за потери ноги, волнуется, справится ли с новым назначением, и готова всем сердцем поддержать его, а он замыкается в себе. Но разве он имеет право быть счастливым теперь?

Подумав, Волчеткин плеснул себе еще на полпальца. В объятиях Лизы он мог бы заснуть и без этого, и, наверное, она нашла бы какие-нибудь по-настоящему утешительные слова, от которых он чувствовал себя не таким скотом, как сейчас. Чувствовал бы не таким, а был бы еще большим!

У старых грехов длинные тени, и теперь по всей его жизни будет тянуться черный след предательства.

* * *

Повернув с шоссе на разбитую дорогу, ведущую к дому, Зиганшин заметил впереди велосипедиста. По рыжим волосам и щуплой фигурке он опознал Фриду и ухмыльнулся, глядя на ее неуверенную, типично дамскую манеру езды. Одета девушка была в черные брючки и совершенно несуразную пеструю вязаную кофту. «Для полноты образа не хватает только белых шерстяных носочков на колготочки. Интересно, кто она по профессии? Библиотекарша или училка рисования, не иначе», – подумал Мстислав Юрьевич, тормозя.

На его предложение подвезти Фрида стала робко отнекиваться, но Зиганшин, не слушая, сложил ее допотопный «Аист» и засунул в багажник, немного рисуясь, что у него так ловко все выходит.

– Садитесь, Фрида, – он распахнул перед ней дверь джипа, – или вы боитесь, если я браконьер, то и с женщинами позволяю себе всякое?

Девушка смутилась и даже слегка покраснела, но, вместо того чтобы сесть, шагнула на обочину.

«Да, такую напугать много ума не надо, – хмыкнул Зиганшин, – может быть, этот приду-рок Реутов просто посмотрел не под тем углом, а дед погнал волну на ровном месте».

Стоял прекрасный вечер, теплый, но уже по-осеннему прозрачный. Листва на обступивших дорогу деревьях уже подернулась сильной и яркой желтизной, но трава на обочине еще оставалась сочной и зеленой. Сразу за небольшой насыпью начинался пруд с черной и неподвижной, как зеркало, водой, на поверхности которой лежали опавшие листья. Тянуло немного сыростью и тлением, и Зиганшин подумал, что именно в такие вечера человек не боится смерти.

Фрида вдруг потянулась вверх, и Мстислав Юрьевич увидел на ветке одинокое крепкое яблоко.

Он сорвал его, удивляясь, какое оно выросло большое, круглое, почти белое, словно светящееся изнутри.

– Мы с вами прямо как Адам и Ева, – сказал он, протягивая яблоко Фриде, – только змея не хватает. Но, думаю, если мы спустимся с дороги в лес, быстро его найдем.

Фрида молча села в машину.

Они съели яблоко, откусывая по очереди, и Зиганшин с наслаждением чувствовал во рту кисловатую мякоть.

Он спросил у Фриды, не страшно ли ей ехать одной. Время еще не позднее, но путь пролегает через безлюдные места, в случае опасности тут никого не дозовешься, особенно теперь, когда дачники в большинстве уже уехали в город.

– Страшно, – тихо призналась Фрида, – но делать нечего.

– Я каждое утро в полвосьмого startую на работу и возвращаюсь примерно в это время, так что могу вас подхватывать, – сообщил Зиганшин. – Все-таки спокойнее, чем на велике.

Фрида робко улыбнулась и сказала, что и так уж они с дедом злоупотребили добротой Мстислава Юрьевича.

– Ну кто ж знал, что тут упырь такой поселится! Теперь мы, честные люди, должны сомкнуть свои ряды! – воскликнул Зиганшин и подумал, что может называться честным человеком только с большой натяжкой. Вздыхнув, он насупил и замолчал.

– Ой, смотрите, какая рябина красная! – воскликнула Фрида.

Зиганшин притормозил, залюбовавшись старой рябиной. Тяжелые красные гроздья светились в лучах закатного солнца и в обрамлении золотистых листьев казались особенно нарядными.

– Хотите, нарву вам веток? – обрадовавшись смене темы, предложил Зиганшин.

– Нет, что вы! Пусть растут. Когда все листья опадут, эти ягоды долго еще будут напоминать о прошедшем лете.

– Да, будут, – согласился Зиганшин, и попутчики замолчали, поглощенные красотой открывшегося за поворотом леса во всем блеске начинающейся золотой осени.

Мстислав Юрьевич вдруг поймал себя на том, что тяжелый осадок на душе, вызванный волнениями сегодняшнего долгого дня, в обществе Фриды куда-то пропал, и вообще ему рядом с ней стало спокойно. Что было тому причиной, хороший вечер, или яблоко, чудом выросшее возле дороги, или сама девушка, он понять пока не мог. Мстислав Юрьевич покосился на свою спутницу, и она, уловив его взгляд, улыбнулась. «Ну и зубы все-таки, – вздохнул он, с грустью вспомнив о собственных мостах и коронках, – настоящая королева запруды могла бы быть. Просто Саджо и ее бобры... Как их там звали, Чикени и Чилеви вроде бы?»

Он с неожиданной ясностью вспомнил, как Наташа, сестра, читала ему эту книгу во время болезни, а он слушал с детским замиранием сердца. Автора звали Серая Сова, и он был настоящий индеец, стало быть, ерунды написать не мог.

Если бы мог, Мстислав Юрьевич поблагодарил бы Фриду за чудесное воспоминание, но не скажешь же: «Знаете, Фрида, ваши бобриные зубы напомнили мне кое-что хорошее».

Но сейчас, сидя в машине рядом с почти незнакомой девушкой, глядя на розовеющее закатное небо, он впервые подумал о погибшей сестре без мучительного и горького чувства.

Проводив Фриду до дверей, Зиганшин быстро ретировался, чтобы не видеться с Львом Абрамовичем. Все же политические разногласия у них слишком сильны, чтобы общий противник заставил их объединиться в прочный альянс. Так, холодный договор о взаимопомощи, не больше. Но тут появлялся еще один аспект...

С появлением Николая Реутова Зиганшин усилил меры безопасности для детей. Если раньше он разрешал им гулять на улице вместе с детьми дачников, то теперь запретил покидать участок. Уезжая, следил, чтобы Света закрыла за ним ворота, и на всякий случай взял с нее слово, что если они будут сидеть дома, то запрутся изнутри. Калитку на задах участка Мстислав Юрьевич запер на висячий замок, а ключ спрятал.

Он боялся, что Света с Юрой, как все нормальные дети, все равно станут убегать на улицу, но тут, слава богу, друзья их уехали в город, и нарушать запреты стало особенно незачем.

Лето кончалось, и вопрос школы встал во всей остроте. Юра шел в первый класс и пока не знал, чего ему хочется, а Света определенно боялась возвращаться в свою прежнюю школу. Наташа отдала ее в престижную гимназию, где учились в основном дети состоятельных родителей, и девочка среди них чувствовала себя не то чтобы изгоем, но третьим сортом.

Конечно, ситуацию можно было переломить, и директор не осмелился бы отказать в приеме Юре, но заставлять детей тратить каждый день по три часа на дорогу казалось Зиганшину неправильным. Кроме того, им бы пришлось торчать на продленке, ожидая его со службы. Служба начальника криминальной полиции такого рода, что иногда задерживаешься допоздна.

Он съездил в местную школу, расположенную в большой деревне за двенадцать километров от дома.

Школа располагалась в старой помещичьей усадьбе, и светлые широкие коридоры, высокие сводчатые потолки и невесть как сохранившаяся оранжерея произвели на Мстислава Юрьевича интригующее впечатление. «За такой школой и покурить приятно!» – ухмыльнулся он.

В старинном здании учиться гораздо интереснее, чем в типовой коробке, где воздух можно ножом резать уже после первого урока.

Для детей из отдаленных деревень ходил школьный автобус, на котором Света с Юрой могли бы приезжать домой сразу после уроков, но теперь, когда рядом поселился уголовник, Зиганшин боялся, чтобы они возвращались одни.

Заручившись согласием администрации обеих школ, он тем не менее тянул с решением, хоть до первого сентября оставалось всего несколько дней.

Дорогой он поделился с Фридой своими сомнениями, и она, робко улыбаясь, сказала, что думать тут нечего, ибо дедушка, Лев Абрамович, поступил в местную школу на должность учителя физики и рисования. Здесь работают сильные преподаватели, например, учительница русского и литературы не кто иная, как удалившаяся на покой профессор с филфака.

Для Льва Абрамовича, сказала Фрида, не составит никакого труда забирать с собой детей и следить, чтобы они вошли в дом без приключений.

«А я работаю сменами и всегда смогу покормить их обедом, если дома, – скромно добавила она. – Мы же одни остаемся зимовать, должны выручать друг друга».

Сказав это, Фрида сильно покраснела, и Зиганшин отвел глаза, чтобы не смущать ее еще больше.

За ужином они с детьми все еще раз обсудили и приняли решение учиться здесь. «Ладно, утром я буду отвозить их с Львом Абрамовичем, а возвращаются пускай на школьном автобусе. Старый гриб, конечно, не самая надежная защита, но я проведу с Реутовым еще парочку воспитательных бесед. Прорвемся как-нибудь! Сейчас я пойду в отпуск, будет время отладить «логистику», и проверить, как оно работает. Если засбоит, переведу в городскую школу и нагрузу маму, пусть забирает их сразу после уроков, кормит обедом и ждет, пока я освобожусь», – решил Зиганшин и воспрял духом, как всегда, когда в голове у него созрел четкий и ясный план.

Он немного повозился в саду, и, когда перекапывал грядки после огурцов, в калитку постучался Лев Абрамович. Вместо приветствия вредный дед сразу заявил, что Слава слишком глубоко копает, на штык, а надо на полштыка. Иначе он переворачивает землю плодородным слоем вниз, что в следующем году отрицательно скажется на урожайности.

Зиганшин ничего не ответил, и Лев Абрамович, скорбно покачав головой, обещал присматривать за Светой с Юрой.

Читая между строк его речи, можно было понять, что ради безопасности детей Лев Абрамович готов поступиться принципами и снизойти до общения с солдафоном и браконьером.

Мстислав Юрьевич поблагодарил – и с силой загнал лопату в землю.

Оставшись один, он снова вспомнил богатый на события сегодняшний день и почувствовал, как возвращается тягостное чувство, названия которому он не мог определить.

Кажется, реализована изящная оперативная комбинация, задержан серийный убийца, это повод для радости, а не для тревоги, а вот поди ж ты...

Зиганшин переживал тем больше, что в принципе не был склонен к рефлексиям и не имел привычки до бесконечности переосмысливать раз принятое решение.

Около полутора лет назад в области объявился очередной серийный убийца. Зиганшин служил в городской полиции, к областникам отношения не имел, поэтому не вникал в подробности и знал только информацию, которая могла бы понадобиться ему в работе. Например,

если бы этот маньяк в своей привычной манере совершил преступление на территории, подведомственной отделу Зиганшина, оперативники сразу бы поняли, с чем имеют дело.

Первой жертвой стала тридцатипятилетняя женщина, красивая, успешная и богатая. Такие редко становятся жертвами серийных убийц, поэтому обмотанную вокруг ее шеи новогоднюю гирлянду из тех, что называют «дождиками», сначала расценили как попытку запутать следствие и выдать преступление по личным или корыстным мотивам за деятельность маньяка.

Тело было найдено обнаженным, в нескольких метрах от проселочной дороги, не совсем в глухомани, но и не в оживленном месте. Движение по этой дороге такое вялое, что вполне можно успеть выбросить тело и сжечь машину, оставшись незамеченным.

Картина преступления вырисовывалась следующая: некто подсел к женщине в машину, оглушил ее ударом по голове, занял место водителя и привез свою жертву в безлюдную местность, съехал на обочину, где спокойно и с комфортом задушил бельевой веревкой, благо просторный салон нового «Мерседеса» не стеснял движений. Затем раздел тело, обмотал шею «дождиком» и выкинул из машины, которую поджег.

Как покинул место преступления, осталось непонятным. Может быть, прошел пешком пять километров до трассы и поймал попутку, или семь километров до железнодорожной станции, откуда уехал на электричке, или же у него был где-то рядом припрятан транспорт, следов которого опергруппе не удалось найти.

Ясно, зачем преступнику жечь автомобиль. Хотя из-за столба пламени от горящей машины тело будет быстро обнаружено, а не пролежит в листве неделю, а то и год, риск оправдан. Огонь уничтожит следы убийцы, которые тот обязательно оставил в машине. Какой-нибудь волосок на подголовнике сиденья может стоить ему свободы, зачем рисковать?

Но если поджог – вполне разумный поступок, то зачем вытаскивать тело, особенно если ты не хочешь выставить его напоказ в какой-нибудь адской инсталляции, как делают маньяки из мрачных скандинавских детективов (в своей практике Зиганшин такого пока, слава богу, не встречал)?

Гораздо проще и безопаснее сжечь тело вместе с машиной, а не выбрасывать его в канаву, небрежно маскируя ветками.

Наверное, решил областной следователь, это сделано специально, чтобы представить бытовое преступление как дело рук маньяка, и долго разрабатывал окружение покойной, и даже чуть не посадил мужа, но тут произошло убийство с точно таким же *modus operandi*². Жертвой оказалась женщина близкого возраста, заведующая кафедрой химии университета. Ее обнаружили в другом районе области, много дальше от города, и в таком тихом месте, что прошло три дня, прежде чем местные жители вызвали полицию.

Вероятно, они видели и столб дыма, и потом обгоревший остов машины, но не сочли нужным на это как-то реагировать, пока водитель грузовика случайно не остановился по своим естественным надобностям именно в этом месте и не обнаружил труп с гирляндой на шее.

Пришлось признать, что действует серийный убийца, а поскольку его визитной карточкой был новогодний «дождик», то циничные оперативники присвоили злодею кодовое имя «Человек дождя».

Следователь оказался въедливым мужиком с незашоренным мышлением и еще некоторое время потратил на гипотезу, что вторая жертва тоже была убита по каким-то вполне человеческим мотивам, а преступник где-то услышал про обстоятельства первого преступления и решил повторить его. Но первая жертва происходила из влиятельной семьи, была замужем за известным в городе кардиологом, и семья сделала все, чтобы детали смерти молодой женщины не попали в СМИ.

---

² Способ совершения преступления (*лат.*).

Общих знакомых у жертв тоже не нашлось, зато они имели примерно один тип внешности и схожие жизненные обстоятельства.

Пришлось признать, что в области действует серийный убийца, нацеленный на женщин тридцати-сорока лет, стройных, светловолосых, ухоженных, уверенных в себе и преуспевших в жизни.

Как эти умные женщины оказались во власти Человека дождя, оставалось неясным. Почему позволили ему сесть к себе в машину? Были знакомы? Но анализ их звонков, эсэмэсок и профилей в соцсетях показал, что они ни с кем не контактировали в последние дни, кроме привычного окружения.

Тайный любовник? Приключение, такое острое, что даже телефонами решили не обмениваться, чтобы не спалиться перед своими половинами? Вариант, но вообще глупость. Никто ж не мешает записать любовника как какую-нибудь Олю Иванову.

И вообще, дамы такого уровня не знакомятся с кем попало, только в кругу друзей или по службе, и о появлении нового лица в их жизни должен был кто-нибудь знать.

Зиганшин не любил слишком глубоко погружаться в бездну человеческой жестокости, строго ограничивался той информацией, которая была ему необходима для службы, поэтому принял к сведению характеристики маньяка, посочувствовал областным коллегам, не имевшим перспективных зацепок для поимки серийника, и забыл про это дело.

Но тут маньяк снова дал о себе знать.

Очень может быть, Мстислав Юрьевич, погруженный в домашние заботы, и вовсе не узнал бы о третьей жертве, если бы не Руслан.

Муж Лизы Федоровой вдруг позвонил с просьбой о встрече, и почему-то обязательно на нейтральной территории, хотя начкрим, зная, как тяжело Руслану на костылях, готов был приехать к нему домой или на службу.

Зиганшин помнил, как Лиза помогала ему после гибели сестры, буквально удержала на краю пропасти, был ей благодарен и готов ради нее на многое.

Странно, он много лет проработал с ней в одном отделе, считая ленивой, глуповатой и занудной девушкой, и не имел ни малейшего желания сближаться, но, когда обстоятельства вынудили их предпринять совместное расследование, Мстислав Юрьевич понял, что Лиза не только очень хороший человек, но и прекрасный специалист. Может быть, не горит на службе, но излишний фанатизм в работе – это как фуражка: мужчину облагораживает, а на женщине выглядит неуместно.

Даже ее хобби, писательство (Федорова писала романы в стиле фэнтези под псевдонимом Лиза Шваб), теперь стало Зиганшину симпатично, и он снизошел даже до того, что подумывал прочесть в отпуске несколько Лизиних произведений.

Он не хотел признаваться себе, но, наверное, симпатия к Лизе чуть-чуть заполняла в его сердце огромную пустоту, образовавшуюся после гибели Наташи.

Они договорились увидеться в кафе, которое Зиганшин знал как тихое и безопасное в санитарном отношении.

Мстислав Юрьевич приехал первым и, увидев Руслана, ковыляющего к столику, чуть не онемел от удивления. Он виделся с Лизиним мужем всего несколько раз, но успел составить о нем впечатление как о жизнерадостном и стойком духом мужике, которого даже ампутация ноги выше колена не смогла вогнать в депрессию.

Теперь же к нему приближался сокрушенный, сломленный человек, так что Зиганшин испугался за Лизу, не случилось ли с ней чего-нибудь плохого.

Глухим голосом, отводя взгляд, Руслан сказал, что Инга, его начальница, вчера вечером найдена убитой. Он не возмущался, не требовал немедленно найти и покарать преступника, просто и по-деловому спросил Мстислава Юрьевича, нельзя ли сделать так, чтобы тело поско-

рее отдали родным? Муж, сказал он, совершенно раздавлен и не в состоянии заниматься похоронами, а у Лизы нет нужного административного ресурса, вот и получается, что кроме как Зиганшина и просить-то некого.

Потом Руслан признался, что несколько лет состоял Ингиным любовником, хотя Мстислав Юрьевич и сам уже понял это по его виду.

Они немного посидели молча. Зиганшин совсем недавно потерял сестру и знал, что никакие слова не способны утишить боль и тоску.

Он обещал помочь с похоронами и проследить, чтобы, если о связи Руслана с Ингой станет известно следствию, Лиза об этом не узнала. Подумав, сказал, что приложит все усилия к поимке преступника, и Руслан только поморщился в ответ, как от зубной боли.

Зиганшин отвез Руслана домой, а сам вернулся в отдел за информацией.

Инга Валерьевна Стрельникова стала третьей жертвой Человека дождя. Обстоятельства ее смерти несколько отличались от двух предыдущих случаев. Инга не водила машину, следовательно, преступник в этот раз воспользовался собственным транспортом. Молодая женщина ушла бегать, как делала это каждый вечер в течение многих лет. Наверное, она не боялась стать жертвой преступления: все же Петергоф довольно спокойное место, особенно летом, в девять часов вечера еще много гуляющих и безопасно почти как днем. Кроме того, она считала, что, будучи спортсменкой, способна убежать от любого злоумышленника.

Итак, уложив спать младшего сына и цыкнув на старшего, чтобы не заигрывался в компьютере, Инга надела спортивный костюм и отправилась на пробежку. Она устала за день и, возможно, осталась бы дома, но к мужу приехал бывший ученик, мужчинам хотелось поговорить запросто, а не развлекать хозяйку светской болтовней, поэтому Стрельникова проявила деликатность.

Друзья, естественно, увлеклись беседой, выпили, и Виктор Викторович только в двенадцатом часу спохватился, что жена еще не вернулась.

Сначала он не встревожился, решив, что она или увлеклась упражнениями, или забежала в круглосуточный гипермаркет и бродит там среди товаров. Позвонил на мобильный, но он оказался выключен. Тут Стрельникова кольнуло беспокойство, и они с другом выскочили на улицу.

Бестолково побегав по парку и покричав, мужчины наконец отправились в полицию. Там у Стрельникова с большим трудом приняли заявление об исчезновении человека и отправили его домой.

Поскольку пропала все же не местная алкашка тетя Маша, а высокопоставленная чиновница и образцовая мать семейства, выполнены были все необходимые действия, в том числе кинологический поиск, но безуспешно. Собака проследила путь женщины от дома через парк до шоссе, где Инга, очевидно, села в машину. Мобильник, скорее всего, покоился на дне ближайшего пруда, и распечатка звонков не дала никакой зацепки.

А в шесть утра поступило сообщение об обнаружении тела молодой женщины. На этот раз Человек дождя не стал завозить жертву в дебри, просто выкинул на обочину одной из второстепенных дорог, проехав двадцать километров от Петергофа.

Одежду Стрельниковой не нашли, вероятно, убийца забрал ее с собой. Хорошо, если оставил на память, это может потом послужить уликой, а если выкинул, то теперь уж не найдешь и следов преступника на ней не обнаружишь.

Новогодняя гирлянда на шее жертвы оказалась точно такой же, как в двух предыдущих случаях, поэтому сомнений в том, что действовал Человек дождя, у следствия не было, а то, что убийца отклонился от привычного образа действия, говорило о том, что ему важен не тип, а личность жертвы, следовательно, скорее всего, он был знаком с Ингой Валерьевной и имел что-то конкретно против нее.

Возможно, первые жертвы выбирались именно потому, что внешне, манерами и более чем успешной карьерой напоминали Стрельникову, просто убивать незнакомых женщин представлялось более безопасным, и наличие у них автомобиля упрощало дело.

Но после двух таких убийств преступник понял, что должен уничтожить своего настоящего врага, и рискнул.

В пользу этой версии говорило еще следующее обстоятельство: легко понять, что перед тобой успешная женщина, когда она, прекрасно и дорого одетая, ухоженная, с идеальной прической, садится на водительское место роскошной иномарки. Даже если ты ее лично не знаешь, поймешь, что дела этой дамы складываются превосходным образом.

Но вот бежит по парку Инга Стрельникова, разгоряченная, растрепанная, в старых разбитых кроссовках и сером спортивном костюме, по которому в сумерках непонятно, сколько он стоит.

Кто эта женщина? Ректор? Кассир из соседнего супермаркета? Домохозяйка? Да кто угодно!

Или следует предположить, что социальный фактор не влиял на выбор жертвы, убийцу привлекал только определенный тип внешности.

Но Зиганшин сам был неплохим спортсменом и знал, что на высоте тренировки у всех один тип внешности, называется «красный и потный».

Первая жертва была счастливо замужем, но на момент убийства муж ее находился в командировке за границей, вторая жила одна, поэтому заявления об их исчезновении поступили не сразу, и чем они занимались непосредственно перед похищением, установить не удалось. Но все в их окружении в один голос утверждали, что женщины не увлекались спортом, и ни за что, ни при каких обстоятельствах не отважились бы выйти на улицу, не приведя себя в безукоризненный вид.

Таким образом, ухоженность в двух первых случаях стала немаловажным критерием выбора жертвы, почему же убийца пренебрег ею с Ингой?

Взглянув на часы, Зиганшин подхватился и, в секунду собравшись, стартовал домой, к детям, но дорогой напряженно размышлял над информацией, которую ему по дружбе слил областной следок.

Интерес его был не вполне бескорыстным. Как уже говорилось, после смерти сестры Лиза сильно ему помогала, и душевной поддержкой, и всякими конкретными делами, так что мало-помалу он привязался к ней, как умел. Руслан тоже нравился Зиганшину, в сущности, эти двое остались единственными взрослыми людьми, с которыми он мог быть искренним и про которых знал, что им на него не наплевать.

Дело об убийстве ректора крупнейшего медицинского вуза не спустишь на тормозах, начальство будет выжимать результат, и, не имея реальных зацепок, начнешь гоняться за химерами. В частности, доложишь, какой ты умный и въедливый, узнал, что Руслан Романович Волчеткин состоял любовником жертвы, и затаил на нее злобу, и убил, предварительно задушив еще двух женщин для тренировки и для отвода глаз.

Потом, конечно, выяснится, что в момент гибели первой женщины Руслан лежал в реанимации после тяжелого ДТП, и непонятно, как ему удалось угнаться за Ингой на одной ноге, а тем более увезти ее за двадцать километров, если у него нет машины с ручным управлением или, на худой конец, с автоматической коробкой передач.

Все это выяснится, но прежде Волчеткину помочут нервы, а главное, вся грязь дойдет до Лизы.

А Зиганшин не хотел, чтобы Лизе было больно. Так что надо быстренько найти этого Человека дождя, пока следствие не додумается до чего не надо.

Толковых идей в голове не появлялось, но чтобы успокоить совесть, он решил съездить на место обнаружения тела.

Следователь, Леха Кныш, был человек умный, но бестолковый. Есть такие люди, вечно опаздывающие, срывающие важные встречи, обрушивающие чужие планы, и всегда этому находится оправдание, так что им и предъявить-то нечего. Перед носом подобного человека вечно образуются ужасающие пробки, интернет у него в телефоне вырубается именно в ту секунду, когда ты просишь что-то поискать, курьер единственный раз в жизни заблудится, доставляя заказ именно к нему, но, что интересно, только когда заказ этот адресован кому-то из членов семьи, – а для него лично все приходит без приключений. Ни одна просьба к такому человеку не бывает выполнена, всегда мешает какой-то не зависящий от него фактор. То в принтере вдруг кончается бумага, и непонятно, где взять новую, то у человека ломается телефон именно за десять минут до того, как ему звонят с просьбой экстренно выйти на дежурство, то начальника не оказывается на месте...

Как человек на восемьдесят процентов состоит из воды, так общение с Лешей настолько же состояло из его объяснений, почему злая судьба не позволила ему сделать то или другое. При этом он был неизменно доброжелателен и открыт, гостеприимен, радушен и всегда готов услужить, излучая уверенность, что уж в этот-то раз все получится. Будь Леша чуть пособраннее, стал бы великолепным работником, но, не видя для себя перспектив служебного роста, он взял за жизненный принцип поговорку: «Лучше всех в колхозе работала лошадь, но председателем она так и не стала», и полностью расслабился. Живость ума и опыт позволяли ему держать раскрываемость на приличном уровне, чтобы руководство не гневалось, а больше Леша ничего не желал.

Если бы Кныш находился в подчинении Зиганшина, Мстислав Юрьевич сделал бы из него толкового сотрудника, как это случилось в свое время с Васей Шаларем.

Васька со своей южной хитростью поначалу решил прикидываться дурачком, рассудив, что с безмозглого спрос невелик. Он демонстрировал усердие, буквально ел глазами Зиганшина, с детским энтузиазмом брался за любое поручение, но выказывал исполнительность за гранью идиотизма, бомбардируя Мстислава Юрьевича уточняющими вопросами.

Первые дни Зиганшин искренне думал, что такой вот ему достался глупенький, но старательный опер, пока не раскусил тонкую стратегию: Шаларь просто ждал, когда Зиганшин поймет: чем возиться с идиотом, проще и быстрее сделать самому.

Что ж, начкрим тоже умел прикидываться. Он стал писать Шаларю подробнейшие инструкции, типа «если он то, то вы это, а если он это, то вы то», к неудовольствию других оперов, затягивал планерки, до тошноты объясняя Василию, что надо делать, лицемерно вздыхая, мол, человек новый, надо ему дать освоиться. Через две недели начальственной заботы и опеки он без всякого предупреждения вызвал Васю и сказал: «Или нормально работаешь, или пошел на хрен». Дальнейшая жизнь показала, что Шаларь выбрал первый вариант.

К сожалению, Леша Кныш был, во-первых, следователем, а во-вторых, подчинялся области, так что оставалось только принимать его как есть или не иметь с ним дела.

Поэтому Зиганшин удивился, когда Леха не только согласился побывать с ним на месте обнаружения тела, но еще и приехал без опоздания.

...Мстислав Юрьевич походил по обочине, ни на что особенно не надеясь, и вдруг острым глазом грибника выцепил в траве маленький черный параллелепипед.

Это оказалась флеш-карта. Леха задокументировал находку по всем правилам, тормознув автомобиль с семейной парой и заставив их выступить понятыми.

Зиганшин походил еще немного, но, как и думал, ничего больше не нашел, и они поехали к Лехе в отдел, где насели на компьютерщиков, чтобы аккуратненько открыть содержимое флешки перед тем, как отправить на дактилоскопическую и прочие экспертизы. Хотя после того, как флешка двое суток пролежала в мокрой траве, надежды на получение информации оставалось мало.

Но, к счастью, флешка прочиталась. Там оказалось всего несколько изображений, заставивших Леху поморщиться, а менее закаленного юного компьютерщика и вовсе отшатнуться от монитора.

– Ну их в задницу, эти маньяческие фотки! – вскрикнул Леша. – Мы-то еще думаем, чего наш серийник такой скромный, за год с небольшим всего три жертвы, а он вон чего!

Зиганшину тоже было почти невыносимо смотреть на собак со вскрытыми животами и грудными клетками, но он заставил себя не отворачиваться.

Что-то показалось странным в этих снимках, и Мстислав Юрьевич попросил компьютерщика скинуть их ему на почту.

Парень посмотрел на него с подозрением, но просьбу выполнил, и, вернувшись к себе в отдел, Зиганшин уставился в монитор, пытаясь понять, что насторожило его в собачьей расчлененке.

Наверное, Человек дождя с удовольствием сделал бы то же самое с женщинами, но его остановили соображения чисто практического плана. Фотографии все были крупным планом, и окружающей обстановки в кадр попало очень мало, но по кусочку кафельной стены и металлической столешнице создавалось впечатление, что это не ванная и не кухня. А что? Морг? Тайное убежище? Но что тогда мешает преступнику отвозить в это убежище женщин и спокойно над ними глумиться?

А если не тайное, то как тогда?

Тут Мстислав Юрьевич заметил в углу одной из фотографий хирургический инструмент, похожий на вилку с сильно изогнутыми зубцами. Такие штуки он раньше видел на картинках в старых учебниках по судебной медицине. Приглядевшись, он сообразил, что в фотографиях присутствует какая-то система, и то, что она не ясна ему, не значит, что ее нет. У Зиганшина было правило думать только тогда, когда нельзя нигде узнать. В данном случае узнать было где, и он позвонил Руслану.

Перекинул ему фотографии, не забыв предупредить о тайне следствия, и стал ждать результат.

Через два часа, когда Зиганшин уже подъезжал к дому, Руслан перезвонил с просьбой посвятить в дело Яна Александровича Колдунова, на что немедленно получил согласие.

Зиганшин сам не мог понять, как относится к Колдунову, с которым судьба свела его в ходе одного запутанного расследования. Для дружбы у них была слишком большая разница в возрасте, кроме того, Ян Александрович вообще терпеть не мог ментов, но иногда Мстиславу Юрьевичу хотелось, чтобы профессор его усыновил, что ли...

Хирурги почти всю ночь просидели над фотографиями, и утром выдали ценнейшую информацию. По старой кафельной плитке и фрагменту оцинкованного стола Ян Александрович опознал помещение: операционную вивария кафедры оперативной хирургии. За точность он ручался.

Раньше операции на собаках являлись непременным компонентом учебы в медицинском институте, но благодаря деятельности защитников животных лавочку прикрыли, и теперь виварий находился на нелегальном положении. Отдельные предприимчивые доктора подпольно лечили там домашних животных за полцены против пафосных ветеринарных клиник, а с научной целью операции проводились редко, только если доктор разрабатывал принципиально новую методику. На фотографиях как раз были сняты этапы новаторской операции, и Ян Александрович даже назвал имя аспиранта, занимавшегося этой темой.

Зиганшин доложил новую информацию Лехе, и аспиранта взяли в разработку.

Ярослав Игоревич Михайловский, двадцати шести лет, был единственным сыном академика Михайловского, родившимся у того на склоне лет от молодой жены. Ярослав отлично учился и выбрал своей специальностью кардиохирургию, проявляя в ней не меньше таланта, чем отец в биохимии. Даже самые злые языки утверждали, что мальчик уникально одарен, а

трудолюбие и усидчивость делают его почти гениальным, и вообще молодой Михайловский представляет собой довольно редкое явление вундеркинда в хирургии.

Ему еще не доверяли самостоятельно выполнять операции на сердце, но, начав ходить на дежурства еще во время учебы в школе, Ярослав к получению диплома врача умел виртуозно выполнять все экстренные вмешательства, стал прекрасным диагностом и обладал обширными знаниями в любой медицинской специальности.

Отзанимавшись день на кафедре, Ярослав или шел на дежурство, или отправлялся в морг, где отрабатывал технику на трупах, и научился так шить коронарные артерии, что любого дорого. Когда утвердили тему диссертации, научный руководитель договорился об операциях на собаках, и Ярослав каждую неделю ездил в виварий. Поскольку все происходило неофициально, ему помогали студенты из научного общества.

Производительность труда Ярослава изумляла всех, особенно научного руководителя, привыкшего, что аспиранты все делают в самый последний момент. За месяц он представил подробнейший обзор литературы и постоянно радовал кафедру статьями. То интересный случай из практики, то обзор с ярким и неординарным статистическим анализом. В общем, аспирант мечты.

В то же время сотрудники отмечали в его поведении некоторые особенности. Ярослав трудно сходил с людьми, несмотря на вежливость и хорошие манеры, чуждался женщин, бывал довольно резок в суждениях и не умел работать с больными.

Михайловский ставил диагнозы быстро и точно, так же оперировал, но разговаривать с пациентами не умел, больные его не любили и часто просили заведующего отделением назначить им другого доктора. Внешне он был вполне привлекательным худощавым парнем, может быть, не до конца еще сформировавшимся, с длинной почти детской шеей и узкими плечами, тонким голосом, но ничего отталкивающего в нем не замечалось, и молодые докторицы и сестры часто заигрывали с ним. Он пугался, замыкался в себе и явно начинал избегать девушку, позволившую себе лишнее, вплоть до того, что если нужно было сообщить ей что-то по работе, просил это сделать коллегу мужского пола.

Еще у него была странная для хирурга стеснительность. Ярослав никогда не переодевался вместе со всеми в ординаторской, а брал хирургическую робу и уходил в туалет.

Но все это относили на безобидные чудачества гения.

Оперативники ненавязчиво поговорили с ребятами, помогавшими Михайловскому в виварии. Это оказалась влюбленная пара, причем девочка ходила помогать аспиранту ради науки, а мальчик – за компанию со своей возлюбленной. Они охотно рассказали, что Ярослав умный парень, но «дрищеморф» и вообще себе на уме. Разница в возрасте небольшая, ему двадцать шесть, им по двадцать одному году, но общаются они строго по делу и с большим напряжением. Если бы Ярослав мог все делать сам, ни за что не брал бы их с собой.

После сотрудников кафедры оперативники стали опрашивать администрацию, и секретарь ректора сообщила, что приблизительно за месяц до гибели Инги Валерьевны у нее состоялся разговор с Михайловским на повышенных тонах, и, судя по всему, уже не первый. В общих чертах конфликт сводился к следующему: Ярослав Игоревич считал, что его на кафедре гнобят, используют, как научного негра, а оперировать не дают, хотя всем ясно, что он умеет это лучше некоторых профессоров. Он уже на первом курсе прошел этап стояния на крючках, и заслужил право работать самостоятельно, а если Инга Валерьевна не верит, то пусть пойдет с ним в морг, и он ей покажет свою великолепную технику, которую она, как бывший хирург, оценит по достоинству.

Инга Валерьевна сказала, что никому не позволяет разговаривать с собой в подобном тоне, и выставила вон зарвавшегося аспиранта.

Ничего конкретного сказано сотрудниками не было, но начал прорисовываться образ организованного несоциального убийцы с хорошо выраженной «маской нормальности».

Интеллектуальность, эгоцентричность, эмоциональная холодность... Ну а остальные признаки еще не проявились по молодости лет.

«И какой нормальный человек станет добровольно ходить в морг и кромсать трупы, скажите на милость! А потом еще собачек потрошить!» – восклицали оперативники, а Зиганшин ленился объяснять, что тут как раз нет ничего страшного. Что хирург, оттачивающий мастерство на трупах, более гуманен, чем тот, кто сразу со студенческой скамьи приступает к лечению живого человека.

Наконец Михайловского вызвали на беседу. Начали с того, что предъявили флешку, которую Ярослав уверенно опознал и обрадовался, что пропажа нашлась.

Когда Леха сказал, где именно она нашлась, Ярослав отреагировал спокойно и сказал, что понятия не имеет, как она оказалась рядом с телом Инги Валерьевны. Конфликт с ней он тоже уверенно отрицал, называя перебранку обычным рабочим моментом. Кроме того, добавил он, Инга Валерьевна вняла его аргументам и поговорила с начальником кафедры насчет оперативной активности, так что у него нет к ректору никаких других чувств, кроме уважения и благодарности.

Михайловский держался с достоинством и производил впечатление искреннего человека, так что Леха начал прикидывать варианты, как еще флешка Ярослава могла попасть на место обнаружения трупа Стрельниковой.

Михайловский-старший давно жил и работал в Праге, и до недавнего времени Ярослав жил с родителями, но, окончив в Чехии медицинский факультет, вернулся на родину, поступил в аспирантуру и поселился с бабушкой в огромной старой квартире на Кировой. Год назад бабушка умерла, и парень остался один.

Он не водил к себе гостей и вообще все свободное время проводил один, так что алиби подтвердить оказалось некому, и Леха вынес постановления о задержании и производстве обыска дома, машины и рабочего места Михайловского.

На кафедре парень владел одним письменным столом, и то на паях с двумя другими аспирантами. Занимались по очереди, поэтому тут осмотрели больше для соблюдения формальностей, чем действительно надеясь что-то найти.

А вот в машине, великолепной «шестой» «Мазде», на переднем пассажирском сиденье обнаружили женские волосы и следы полиэстерового волокна серого цвета, предположительно совпадающего с тем флисом, из которого была сшита спортивная куртка Инги. Кроме того, эксперты взяли образцы грунта с покрышек, чтобы сравнить его с пробами грунта в месте обнаружения тела.

Оставалось только удивляться, почему такой осторожный преступник, сжигающий машины жертв, чтобы не оставлять улик, не нашел времени съездить на автомойку, раз уж воспользовался для убийства собственным транспортом.

В самом дальнем углу багажника обнаружился пакет с новогодними гирляндами, и по их количеству становилось ясно, что маньяк планировал долгую и плодотворную карьеру. А в бардачке нашлась золотая сережка, парная к серьге, обнаруженной на первой жертве. Улик набиралось вполне достаточно для предъявления обвинения и просто для того, чтобы дожать неопытного Михайловского и добиться от него признания.

Леха Кныш пригласил Зиганшина поучаствовать в допросе, и Мстислав Юрьевич поехал, хотя не видел никакого удовольствия торжествовать над слабыми, даже если это маньяки и негодяи.

Просто он хотел дождаться результата из первых рук и отчитаться Руслану.

Он не пошел на допрос, а сидел, гонял чай с областным опером Сергеем Александровичем, с которым его связывало боевое прошлое.

Немного вспомнили былое, а в основном грустили, что жизнь как-то не задалась, и не то чтобы плохая, а романтики и порыва в ней совсем не стало. Сергей сказал, что у него явно остеохондроз крыльев, ни расправить их, ни полететь, и Мстислав Юрьевич сначала согласился, а потом вдруг вспомнил Фриду с ее зубами и почему-то улыбнулся.

Допрос продолжался больше трех часов, прежде чем Леа вызвал конвой.

Сергей любил курить и, напившись чаю, устроился на подоконнике с сигаретой. Зиганшин встал рядом, глядя во двор. Михайловского как раз вели к автозаку, парень шел спокойно, без истерики. Прежде чем влезть в машину, он повернулся, и Мстислав Юрьевич вдруг поймал его взгляд, полный растерянности и боли.

Отчего-то ему, матерому оперу, вдруг стало не по себе. Будто он сделал что-то очень нехорошее, даже постыдное.

К Михайловскому робко шагнула какая-то женщина, но конвойный отстранил ее, и она осталась стоять, не крича и не сопротивляясь.

Зиганшин присмотрелся. Это некрасивое, но удивительно притягательное лицо нельзя было не узнать.

Через минуту он, крикнув: «Сергея, это ж мама Галя!», неся вниз, слыша за спиной топот друга.

Галина Ивановна служила хирургом в полевом госпитале, куда Зиганшин имел несчастье попасть во время своей боевой службы. Ранение его оказалось не тяжелым, он быстро восстановился и до выписки помогал медикам в качестве санитаря, которых наблюдалась острая нехватка.

Наверное, он был влюблен в своего доктора, никак иначе нельзя определить то чувство душевного подъема, которое двадцатилетний Митя ощущал, когда «мама Галя» входила в палату.

Не он один обожал эту женщину, большую, ширококостную и очень некрасивую. Все ребята оживлялись и улыбались, когда она стремительно, мужским шагом входила в палату, и все старались героически себя вести во время болезненных перевязок.

Нельзя сказать, чтобы Галина Ивановна сильно сюсюкала и нежничала с солдатами, но вытаскивала с того света самых безнадежных и всегда старалась сохранить человеку конечность, если была хоть малейшая возможность сделать это.

Она работала сутками напролет, при массовом поступлении дохода от усталости до полумертвого состояния, но при внешней суровости и резкости находила, что сказать раненому, чтобы он не пал духом и поверил в свое выздоровление.

Вернувшись с войны, Зиганшин никогда не забывал «маму Галю». Наверное, он молился бы за нее, если бы умел, а так просто воспоминание об этой чудесной женщине жило в каком-то уютном уголке памяти и питало его уверенность в том, что мир не такое уж безнадежное место, как кажется на первый взгляд.

Хоть прошло почти два десятка лет с их последней встречи, Галина Ивановна почти не изменилась, осталась такой же сильной и крепкой женщиной, какой он ее помнил. Наверное, на лице прибавилось морщин, но это было совершенно неважно.

– Галина Ивановна? – Зиганшин осторожно тронул ее за локоть.

– А? – Она обернулась к нему, с неохотой оторвав взгляд от выезжающего на дорогу автозака.

– Вы нас не помните?

– Простите, нет.

– Ну да, глупо было бы надеяться на это, – пробормотал Мстислав Юрьевич, – мы ваши бывшие пациенты из полевого госпиталя.

– Надо же, при каких обстоятельствах пришлось встретиться, – улыбнулась Галина Ивановна грустно.

– Поднимемся ко мне, – сказал Сергей, – расскажите, что случилось, может быть, мы сможем помочь.

Галина Ивановна оказалась наставницей Михайловского. Именно к ней он стал ходить на дежурства сразу после поступления в аспирантуру, и она делилась с ним всем, что знала и умела сама.

Посвятив всю жизнь хирургии, мама Галя осталась одинокой, не смогла создать семью и с годами растеряла даже друзей юности.

Зиганшин украдкой вздохнул, прекрасно зная, как любимая работа пожирает всю жизнь, так что оглянуться не успеваешь, а ты уже одинокий старик.

В общем, Галина Ивановна была совсем одна, и Ярослав, только приехавший из Праги, оторванный от родителей, не умеющий сходить с людьми, чужой среди соотечественников, тоже оказался, как сказал бы Маяковский «последний глаз у идущего к слепым человека».

Конечно, не может быть дружбы у пятидесятилетней женщины и молодого парня, но Галина Ивановна считала Ярослава за сына, и он тоже привязался к ней, как умел.

Оба верные своему призванию, они не тратили время на всякие глупости типа совместного отдыха, но знали, что не оставят друг друга в беде.

– Вот беда и пришла, – заключила Галина Ивановна и достала сигарету.

Сергей тут же поднес ей огонька, а Мстислав Юрьевич подумал: ситуация такая, что еще чуть-чуть и сам закуришь.

Ради Галины Ивановны он был готов на многое, но как тут выручить человека, если сомнений в виновности Ярослава почти нет?

Он не успел переговорить с Лешей и не знал еще, признался ли Михайловский в инкриминируемых ему убийствах, но улики представлялись достаточно весомыми, противопоставить им можно разве что безупречное алиби.

Зиганшин позвонил своему приятелю в следственный изолятор и попросил позаботиться о Михайловском, чтобы его не тронули сокамерники.

Сергей дал координаты нескольких хороших адвокатов, и пока это было все, что они могли сделать.

– Ярослав точно не убийца, – тихо сказала Галина Ивановна, глубоко затянувшись и по-мужски резко выпустив дым, – то, что он странненький немного, это ничего не значит, все гении с левой резбой. В глубине души он хороший и добрый человек и, знаете ли, слишком увлечен работой, чтобы тратить время на отслеживание женщин. Вы ошиблись, ребята, страшно ошиблись.

Она поднялась, и Зиганшин пошел проводить. Неожиданно для себя самого он обещал во всем разобраться и обменялся с Галиной Ивановной номерами телефонов, сказав, чтобы звонила в любое время.

Нужно было бы отвезти маму Галю, но Мстислав Юрьевич хотел еще вернуться и поговорить с Лешей, поэтому он, не слушая возражений, поймал ей такси.

– Я все сделаю, Галина Ивановна, – сказал он, – обещаю, что он сядет, только если действительно виноват.

Она только грустно улыбнулась в ответ.

* * *

Взяв корзину, Фрида вышла в сад набрать яблок.

Наступил сентябрь, все настоящие хозяева уже давно собрали урожай, а у них все висят никому не нужные плоды, пригибают ветки к земле.

Дождя не было, но денек выдался серенький и мокрый, с утра стелился туман, и краски осени потускнели, даже любимые Фридины кусты черноплодки с их багряными листьями и черными ягодами терялись в пасмурном дне.

«Так и мое существование», – вздохнула девушка, потянувшись за самым красивым яблоком на ветке.

Иногда ей казалось, что вот-вот она проснется и все окажется нелепым сновидением, но чаще сном представлялась прежняя жизнь, такая ясная, незыблемая и расписанная на много лет вперед.

Неужели это она была счастливой девушкой, без пяти минут женой и кандидатом наук? Но эти пресловутые пять минут оказались роковыми, все, что она считала таким надежным, рассыпалось и исчезло.

В школе, а после в институте Фрида занимала незавидную вакансию самой непопулярной девушки. К сожалению, судьба помешала ее не к таким же страшненьким зубрилам, как она сама, а к настоящим живым людям с разносторонними интересами, и стать своей среди них никак не получалось.

Ее не обижали и посмеивались скорее добродушно, чем зло, но за человека не считали.

Поступив в аспирантуру, Фрида вдруг оказалась среди таких же, как она, увлеченных наукой людей, которым было неважно, что она некрасивая и чудаковатая.

Она почти физически чувствовала, как душа ее выпрямляется и расправляет крылья, невесть откуда берутся силы и, кажется, она даже становится умнее.

Глядя на себя в зеркало, Фрида видела теперь не робкую моль, а хорошенькую девушку со смелым веселым взглядом, и эта девушка имела право красиво и со вкусом одеваться.

Раньше Фрида носила все скромное и консервативное, боясь привлечь к своей особе лишнее внимание, слишком хорошо помнила, как в девятом классе связала себе берет и на целый месяц стала объектом насмешек. Теперь она стала посещать разные интересные магазинчики и покупать то, что действительно нравится ей, а не стандартные безликие одежды, зная, что у сотрудников есть дела поважнее, чем смеяться над ее обликом.

Она была счастлива и с оптимизмом молодости считала, что так будет всегда. С радостью дописывала диссертацию, потому что это была настоящая работа, а не унылое и бессмысленное исследование, затеянное исключительно ради получения ученой степени.

Фриде нравился аспирант с дружественной кафедры, и порой перед сном она позволяла себе помечтать о нем, понимая, что мечты никогда не станут реальностью, такой красивый и способный парень не обратит внимания на тощую заучку.

Но судьба вдруг перестала скупиться на счастье, и вскоре аспирант уже ухаживал за ней.

А потом... Потом все посыпалось. Благополучная и безмятежная жизнь стала словно выталкивать ее из себя, как организм выталкивает занозу, распознав в ней чужеродный элемент.

И наступил день, когда дедушка сказал: «Фрида, не надо цепляться за обломки. Оставим все и отправимся в новый путь».

Они решили, что полная перемена жизни отвлечет их. Пока будут осваиваться в новых условиях и приспосабливаться к новым обстоятельствам, станет не до бесполезных сожалений о том, что могло бы быть.

«Хуже всего, когда мотор крутит вхолостую, – говорил дед, – а когда выполняется работа, это совсем другое дело».

Однако деревенский дом пугал Фриду, она чувствовала себя словно в гостях у Бабы-яги, и порой, когда смотрела на грубые доски потолка, в которых торчал почему-то большой крюк, на нее наваливалась такая тоска и безысходность, что становилось горько во рту.

Потом дед объяснил, что крюк предназначен для люльки с младенцем, а вовсе не для комфортабельного самоповешения, как она думала.

Огород тоже наводил на нее тоску. Они вселились только в конце июля, и сажать было уже поздно, но на следующий год придется делать все, чем занимаются деревенские жители. Между тем Фрида понятия не имела, как оно все происходит.

На деда тоже надеяться не приходилось, Лев Абрамович обладал огромными знаниями во многих областях, но сельское хозяйство никогда не относилось к сфере его интересов.

Кроме того, она боялась не справиться чисто физически. У нее даже освобождение от физкультуры было из-за сколиоза, а тут надо копать и носить тяжести.

Но зато сколько сразу появляется ясных и конкретных целей! Изучить до весны принципы огородничества, наладить быт, освоить русскую печку так, чтобы не только топить, но и готовить в ней. Это все трудно и, может быть, бессмысленно, но не так глупо, как сидеть на развалинах своей жизни, ожидая, что вдруг все как-нибудь да склеится.

Например, чем вздыхать о пролитом молоке, лучше подумать вот о чем: она собирает яблоки для пирога, а духовки-то нет. Печку топить уже поздно. Она, ладно, спит наверху, в мансарде, а дед всю ночь промучается от духоты, и она еще не умеет управляться с этой древней системой. Что можно приготовить из яблок на плитке? Мусс? Оладьи? Или сварить пару банок варенья?

Задумавшись, Фрида не услышала шагов и вскрикнула, когда за спиной у нее сиплый голос произнес:

– Здравствуй, красавица!

– Здравствуйте, – Фрида отступила, прижавшись спиной к яблоне и подняв корзину к груди.

– Ну чего ты боисси? – прохрипел новый сосед, глядя на нее своими пустыми глазами и делая странные, дерганные движения руками, будто перекидывал из одной в другую какой-то невидимый предмет.

– Я не боюсь. Что вам угодно?

– А ты не знаешь? – Сосед шагнул вперед, и сквозь намертво прокуренную его одежду Фрида ощутила запах перегара и немытого тела. – Ну что ты, тресси, мнесси, а дать не даесси?

Она закричала, понимая, что это бесполезно. Дед уехал в город (тут Фрида с некоторым опозданием вспомнила, что он велел ей не выходить из дому до своего возвращения), а сосед Слава, кажется, тоже в отлучке, а если и нет, то вряд ли услышит.

– Не подходи, сволочь, – сказала она тихо и замахнулась корзиной.

– Ой, ты страшная какая...

Сосед взялся за толстую крепкую ветку, отрезав ей путь к отступлению. Фрида подумала, как глупо сделала, что сразу не побежала от него в дом, зажмурилась и заорала так громко, как могла, надеясь, что крик отпугнет его.

Нет, он стоял, так же ухмыляясь, видимо, наслаждаясь ее беспомощностью и страхом.

Фрида снова закрыла глаза, не в силах смотреть на его отвратительную физиономию, и решила драться до последнего, как только он на нее нападет. Сердце вдруг стало очень большим и колотилось быстро-быстро, ноги дрожали.

– Помогите! – крикнула она снова, поняла, что никто не придет, и приказала себе не сдаваться.

Вдруг она услышала, как ее зовут по имени, открыла глаза. К ним бежал Слава, сосед, в кухонном фартуке и ножом в руке.

Николай резко отступил и развел руками:

– Все, все, начальник, не кипишуй!

– Фрида, он вас не тронул? – Слава зачем-то дал ей в руку свой нож и пошел на Николая.

– Начальник, да я ничего! Не знаю, чего она зашугалась!

Слава резко, почти без замаха ударил Николая по лицу, тот упал. Фрида отвернулась.

– Если я тебя еще раз увижу тут поблизости, пришибу, слово даю, – сказал Слава спокойно, – даже сажать тебя не стану, пададь.

Николай поднялся и ушел, что-то прошипев себе под нос.

– Вы в порядке? – спросил Слава таким тоном, что сразу стало понятно: ему все равно, в порядке она или нет.

– Да, все хорошо, не беспокойтесь.

– Ну ладно тогда, – он взял нож, который Фрида все еще держала в руке, – а что, Льва Абрамовича дома нет?

Фрида покачала головой.

– Тогда пойдемте к нам. Этот гад, конечно, не вернется, но одной вам сейчас не нужно быть. Пойдемте, не спорьте, а то у меня обед сгорит. Я ж готовлю.

Фрида послушно отправилась за ним, чувствуя неловкость, что человеку, с которым она так высокомерно обошлась, пришлось защитить ее.

Она не интересовалась политикой, поэтому убеждения соседа, так возмущившие дедушку, не произвели на нее никакого впечатления.

Но комбайн... Фриду воспитали так, что любые проявления жадности и «хапужничества» претили ее натуре, и философия «можно все, пока никто не видит» была ей отвратительна.

Сосед, угрюмый мужчина с мрачным лицом, настоящий бирюк, сразу не то чтобы не понравился ей, но вызвал смутное чувство тревоги и беспокойства, и Фрида старалась лишний раз не попадаться ему на глаза.

Потом он пришел чинить крышу и держал себя очень просто, так что Фрида решила, что ошиблась в оценке этого сурового дядьки.

В разговоре он хоть и позволил себе резкие замечания, но в целом произвел впечатление умного человека, и Фрида обрадовалась, что не совсем они с дедом будут одиноки зимой.

«Раз у него дети, – думала Фрида, – значит, есть жена, просто сейчас она в отлучке, а когда вернется, может быть, станет моей подругой. Ну, или на будущий год расскажет, что куда сажать, чтобы у меня стал участок хоть на десять процентов такой же красивый, как у них».

Но когда она увидела, что сосед собирает ягоды комбайном, сразу и бесповоротно разочаровалась в нем.

Когда человек хочет урвать свое любой ценой и не имеет внутренних табу, считала Фрида, общаться с ним не только противно, но и опасно. Со своим юношеским максимализмом и неопытностью Фрида не предполагала, что мужчинам бывает просто лень заниматься кропотливой работой сбора ягодки за ягодкой. Теперь помощь Зиганшина представляла совсем в другом свете. Наверное, он не просто пришел на выручку дедушке и внучке, а оказал им услугу, чтобы они чувствовали себя обязанными и потом из чувства долга делали бы, как он скажет.

Правда, Фрида, как ни напрягала ум, не могла сообразить, чем они могли бы быть полезны соседу, но в его бескорыстие все равно больше не верила. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы выказывать свое презрение, и внешне оставалась вежлива, но очень сдержанна.

Когда Зиганшин от чистого сердца подвез ее на машине, она даже не нашла в себе сил поблагодарить, сидела и дулась из-за этого комбайна. И она не осудила бы соседа, если бы он, услышав ее вопли, продолжал заниматься своими делами... Но он прибежал.

Войдя в дом, Фрида взглянула в зеркало и обрадовалась, что оделась сегодня так красиво и хорошо. Она вообще, переехав в деревню, стала особенно тщательно следить за своей внешностью, зная, как легко можно опуститься на самое дно, если давать себе маленькие поблажки. Всегда найдутся оправдания не погладить, а потом не постирать, не заштопать носок и ходить

с оторванной пуговицей, ведь сельский быт такой сложный... И оглянуться не успеешь, как ты уже неопрятная тетка с засаленными волосами в перепачканных землей тренировочных штанах!

Сегодня Фрида заплела косу-колосок, свою любимую прическу, надела облегающую футболочку цвета бордо и широкую длинную юбку из кусочков джинсовой ткани, а сверху накинула большую шаль, вязанную крючком в технике «квадрат». Футболочка была из корзины со скидками попутного гипермаркета, а юбка и шаль – авторской работы, купленные в маленьком бутике. Фрида до сих пор помнила, как увидела эту шаль, настоящее произведение искусства, в витрине, и с восторгом поняла, что шаль обязана принадлежать ей. Пришлось немного поджаться, и Фрида боялась, что, пока она копит деньги, шедевр попадет в чужие руки, но, слава богу, обошлось.

Она немного задержалась перед зеркалом, приладила волосы, растрепавшиеся после пережитого страха, приложила ладони к покрасневшимся щекам.

Как давно она не смотрелась в большое зеркало! В их с дедом новом обиталище ей приходилось довольствоваться коробочкой с тенями, в зеркальце которой хватало места для одного только глаза.

Слава принял у нее шаль и почему-то усмехнулся. Фрида с неудовольствием перевела взгляд на свои ноги, обутые в белые шерстяные носки и галоши. Портит весь образ, и этот Слава еще чего доброго подумает, что она опускается, превращается в настоящую деревенскую бабу.

Переступив высокий порог, она оказалась в гостиной, обставленной по-европейски и с большим вкусом, поздоровалась с сидящими за столом детьми и растерянно остановилась.

– Простите, не могу оказать вам должного гостеприимства, – сказал Слава с усмешкой, – и развлекать вас светской беседой. Хотите, поставлю вам какой-нибудь фильм, или пойдемте со мной в кухню?

– В кухню.

– Добро.

Сосед провел Фриду в большое помещение, обставленное так, как она видела раньше только в американских сериалах. Только старая печь, такая же, как у них с дедом, вносила диссонанс. По беспорядку, царящему на столах, было ясно, что готовкой занимается неисключенный человек.

Прежде чем вернуться к работе, Слава взял планшет и уткнулся в него, с раздражением шепча что-то себе под нос.

– А давайте я? – вдруг решила Фрида.

– Что вы?

– Давайте я все приготовлю. Я неплохо это умею.

– Соблазн слишком велик, чтобы я ему сопротивлялся, – Слава быстро снял фартук и надел на Фриду, – вот, пока вы не передумали. Я планировал борщ и котлеты.

– Принято. А если вас не затруднит сходить за корзинкой с яблоками ко мне во двор, сделаю еще яблочный пирог.

Слава пошел за яблоками, а Фрида огляделась. Кроме печки, у соседа имелась прекрасная электроплита, набор современной посуды элитного класса, к которой настоящая продвинутая хозяйка относится с известной долей недоверия, потому что ничего нет лучше бабушкиных чугунных сковородок и алюминиевых кастрюль! А вот ножи, шикарные и безусловно дорогие, оказались туповаты. Фрида пожала плечами. У них с дедом всего три ножа, купленные лет двадцать назад, плюс специальная штука для чистки овощей, но Лев Абрамович их регулярно точит, приговаривая: «Готовить тупыми ножами даже хуже, чем работать с тупыми людьми!», поэтому нехитрая утварь служит лучше, чем Славин пафосный набор.

Вообще похоже было, что кухню обустроивал или мужчина, или чрезвычайно бестолковая женщина. Все неудобно, не под руку, куча всякой ненужной утвари на виду, а нужную не найти.

Перед ее приходом Слава только разложил продукты и начал чистить картошку. Фрида улыбнулась, глядя, как толсто он срезал кожуру, по сути делая из круглого овоща куб.

Когда Слава вернулся с корзинкой, она попросила его поточить ножи, а сама стала мыть овощи, чтобы за шумом воды не слышать скрежета точильного камня.

И как-то получилось, что Фрида закрутилась по хозяйству, все расставила под свою руку, и так увлеклась, что забыла про соседа.

Странно, обычно она чувствовала себя скованно с малознакомыми людьми, старалась выбрать интересную для них тему разговора, а сейчас сновала по чужой кухне, думая только о том, как бы приготовить такой вкусный борщ, чтобы Слава обалдел от восторга. Фрида настолько забылась, что начала тихонько напевать себе под нос из репертуара любимого рокера Всеволода Мешкова, но тут сосед, устроившийся в углу с каким-то рукоделием, фыркнул, и Фрида осеклась, вспомнив, что у нее нет ни слуха, ни голоса.

– Слушайте, вы такая расторопная, прямо как Золушка, – улыбнулся сосед, и Фрида удивилась, как просияла его мрачная физиономия. Вдруг стало ясно, что сосед – красивый молодой мужик, и, поняв это, Фрида почувствовала, что легкость покидает ее.

– Обычная, ничего особенного, – буркнула она и высыпала в суп капусту, нарезанную тончайшей соломкой.

– Такой аромат, что даже голова кружится. – Слава вернулся к своему занятию. Как Фрида рассмотрела, он пришивал лямку к брезентовому рюкзаку. – А вы умеете фаршированную рыбу делать?

Фрида остановилась и почувствовала, как дрогнуло ее лицо. Она положила нож и вытерла руки полотенцем:

– Это сейчас был сарказм?

Слава отложил рюкзак, не забыв воткнуть в него иголку, и встал.

– Что вы, Фрида, – сказал он мягко, – просто я много слышал хорошего об этом блюде, а попробовать как-то не пришлось. И если бы я издевался, то сказал бы «фагшигованная хиба». Ну или как-то так, я не мастер передразнивать.

– Да?

– Да. Давайте расставим все точки над «i», Фрида. Я не антисемит и вообще считаю все эти предрассудки страшной глупостью. Быть антисемитом все равно что кататься на коньках в гипсе.

– В смысле?

– В смысле мы все знаем, что, выходя на лед, можно поскользнуться и что-то себе сломать. Но если для профилактики заранее загипсовать себе конечности, то и от падения не убежишь, и далеко не укачишься. Я встречал в жизни многих людей, и все были разными. Некоторые были добры ко мне, некоторые – нет. Одни предавали, другие выручали. С кем-то было интересно, глупость других приводила в изумление. По-всякому бывало, но никогда, ни разу, ничего не зависело от их пола, возраста, национальности и сексуальной ориентации.

Фриде стало стыдно за свою вспышку.

– Извините меня, – попросила она, опустив взгляд, – я так остро реагирую, потому что меня из-за этого выжили с работы.

– Неужели такое еще бывает? – удивился Зиганшин.

– Бывает. Я сама не верила, это было больше похоже на какой-то сатирический рассказ, чем на реальность, но уйти пришлось по-настоящему.

Слава вздохнул и сказал, что если уж у терроризма нет национальности, то в приличном коллективе тем более ничего подобного не должно быть.

– Ну ничего, – улыбнулась Фрида, – я нашла новую работу, и, кажется, она будет интереснее прежней. Еще раз простите мою вспышку. Фаршированную рыбу я вам сейчас не приготавливаю, но настоящий еврейский яблочный пирог – смогу. Хотите? Только нужна сметана.

Сметана обнаружилась в нужном количестве, и Фрида взялась за дело.

Слава забросил свое рукоделие и просто сидел, наблюдал за ней и приговаривал, что нет в жизни ничего более приятного, чем смотреть, как другие работают.

Когда пирог уже покрывался золотистой корочкой, из города вернулся дед. Кажется, он немного обиделся, что внучка пошла в гости к соседу, может быть, испугался, что она там наберется неподобающих убеждений, но Фрида все ему рассказала, и Лев Абрамович долго тряс руку Славе и остался на ужин.

Они очень душевно посидели, дедушка рассказывал про школу, как там будет интересно учиться Славиным детям, спрашивал, что им нравится, любят ли рисовать, и ни разу не обмолвился о политической обстановке.

Но когда гости вышли в сени и стали прощаться, Лев Абрамович вдруг покачнулся и схватился за косяк.

– Ничего, ничего, – сказал он кинувшимся к нему Славе и Фриде, – я здоров, просто как представил сейчас, что могло бы быть, если бы вы не подоспели, так голова закружилась. Я ваш должник на всю жизнь теперь...

Зиганшин проснулся с чувством, что с ним происходит что-то очень хорошее. Немножко полежал с закрытыми глазами, прежде чем понял, что у радости вкус Фридиного яблочного пирога.

Потом подумал о Реутове и резко сел в кровати. Положение серьезное, так что нечего блаженствовать, вспоминая хороших людей и вкусный ужин.

Может быть, Лев Абрамович с Фридой думают, что он спас девушку и отвадил Реутова раз и навсегда, но они ошибаются.

Николай просто захотел обратно на зону, вот и все, поэтому осмелился полезть к Фриде. На свободе у него нет ни нормального жилья, ни куска хлеба, ни друзей, ничего. Он изгой, который, наверное, даже не дотянет до весны в своей хибаре. Или сожжет ее, или замерзнет, или помрет с голоду. К чему такие приключения, если можно изнасиловать девушку и оказаться в привычной среде, где он если не в авторитете, то по крайней мере среди своих? Есть крыша над головой, питание, общение, что еще надо для счастья?

Надо крепить оборону, пришел к выводу Зиганшин. Или открыто поговорить с Реутовым и устроить ему посадку за какое-нибудь престижное преступление. Или позвонить брату Руслана Максу Голлербаху, вдруг тот сможет устроить Николая в психоневрологический интернат? В общем, нужно что-то делать.

Потом мама Галя. Зиганшин сам был ранен легко и, наверное, все равно поправился бы, но, лежа в госпитале, он видел, сколько жизней спасла Галина Ивановна, сколько ребят благодаря ей остались нормальными людьми, а не калеками. Так что никак нельзя остаться в стороне, когда единственный близкий ей человек попал в переплет. Пусть этот близкий человек – серийный убийца и лишил жизни женщину, которую любил его друг...

Мстислав Юрьевич вздохнул и принялся рассеянно водить бритвой по щекам. Он любил утреннее бритье, особенно момент, когда, сняв щетину, брызгаешь в лицо спиртовым одеколоном из аптеки. Кожу щиплет и холодит, от этого мозг взбадривается и выдает пару-тройку умных мыслей.

Конфликт интересов, конечно, налицо. Но! Друг найдет успокоение, только когда будет наказан настоящий убийца. Значит, надо иметь стопроцентную убежденность, что Человек дожда не кто иной, как Михайловский. Вот и все. Конфликт исчерпан.

«Вот пошел я в отпуск отдыхать, а хлопот больше, чем по службе», – весело думал он, насыпая детям утренние хлопья в молоко.

Сам тоже поел, думая, что надо прекращать лениться и научиться варить нормальную кашу на завтрак.

Потом Зиганшин отвез детей и Льва Абрамовича в школу, подбросил Фриду до райцентра и поехал в город, взяв с деда страшную клятву, что он сам не повезет детей на школьном автобусе домой, а дождется его возвращения.

Фрида заступала на сутки, так что сегодня о ней можно было не волноваться.

Зиганшин думал, что вчерашняя шаль – вершина безвкусицы, но сегодняшняя куртка далеко ее превзошла. Нашитых как попало разномастных лоскутков уже было довольно, чтобы вызвать ужас в любом здравомыслящем человеке, но создатели на этом не остановились, а украсили свое творение вязаными вставками с норвежским узором и пришили к карманам какие-то таинственные древние амулеты.

«Бедная девочка, – ухмылялся он про себя, – представляю, как ее гнобили в школе, если она с детства так одевалась. Я бы уж точно... И зубы не оставил бы без внимания... А уж имя-то какое! Ого-го! Сам бог велел! У меня тоже имечко не подарок, но удавалось скрываться за псевдонимом «Митька», а ей куда деваться? Фридка... Фридка-Фригидка!»

Тут Зиганшин внезапно почувствовал, что мысль скользит куда-то не туда, и энергично потряс головой.

Выйдя из машины, Фрида словно забрала с собой его хорошее настроение. Остаток пути он ехал и злился, что из-за одной сволочи они все теперь должны бояться, прятаться и менять свои планы.

И непонятно, сколько это еще будет продолжаться. Хорошо, если Реутов попадется на какой-нибудь краже и сядет, а если нет? Если он так и будет жить рядом, выглядывая любую брешь в их обороне, чтобы нанести удар?

Несмотря на некоторую вольность в обращении с законодательством, Зиганшин обладал развитым чувством справедливости и в юности даже мечтал о том, чтобы стать судьей. Но сейчас он, как ни напрягал мысль, не мог найти правильного решения, так, чтобы, с одной стороны, не ущемить права Реутова, и с другой – позволить нормальным людям жить нормальной жизнью, не оглядываясь на каждый шорох.

Он настроился на долгую перебранку с Лешей, на пространные объяснения, почему никак нельзя удовлетворить его просьбу, но Кныш наслаждался своим новым статусом грозы серийных убийц и без всяких разговоров выписал Мстиславу Юрьевичу отдельное поручение на допрос Михайловского.

– Он в глухую несознанку ушел, – предупредил Леша, – так что ты сейчас тупо время потеряешь. Подожди результаты экспертизы, тогда и дождем его. Никуда не денется.

Зиганшин честно рассказал о Галине Ивановне и признался, что хочет только одного – точно знать, что они не упекли за решетку невиновного человека.

– Точнее не бывает! – фыркнул Леша.

– Вот именно поэтому, – буркнул Мстислав Юрьевич, взял бланк поручения и отправился в следственный изолятор.

Он давно не бывал в этом тоскливом и безнадёжном месте и уже подзабыл процедуру, но, слава богу, деловые знакомства имел везде, поэтому через час с небольшим уже сидел в допросной и ждал, когда приведут Ярослава Михайловского.

Только когда парень вошел, Мстислав Юрьевич с неудовольствием вспомнил, что ничего не купил ему, ни сигарет, ни еды.

Оказавшись в допросной, Ярослав стал нервно рассказывать из угла в угол:

– Нет, это бред! Полный бред! – повторял он. – Откуда взяли, что я убийца? Ингу Валерьевну я очень уважал, зачем мне ее убивать? Бред, бред и бред!

Зиганшин сидел молча и ждал, пока молодой человек выпустит пар. В камере ты все время на виду, не пошумишь, а тут можно немного облегчить душу.

– Послушайте, Ярослав, успокойтесь и сядьте, – наконец сказал он, – ну или ходите, только постарайтесь слушать и понимать, что я говорю. Я вам не враг.

– Да? Неужели? Но вы тоже думаете, что я убил Ингу Валерьевну?

Ярослав схватил себя за волосы и сильно потянул. Наверное, этот жест если не успокаивал его, то приводил в чувство.

– Я ничего не думаю. Пришел из-за Галины Ивановны, которая беспокоится о вас. И вот она-то не верит в вашу виновность.

– Правда?

Зиганшин кивнул и сказал, что Ярослав может быть уверен – Галина Ивановна думает и заботится о нем и сообщит родителям в Прагу.

– Наверное, уже сообщила, и они летят сюда. В общем, Ярослав, держитесь и знайте, что для вашей защиты будет сделано все возможное.

– Интересно, кому-то что-то померещилось, а я теперь должен защищаться, – фыркнул Михайловский, – родителей беспокоить! Мой отец, между прочим, старый человек, и ему совершенно ни к чему все эти потрясения! Не понимаю, почему наша жизнь должна переворачиваться вверх дном из-за чьих-то больных фантазий!

– Ярослав, улики против вас достаточно серьезны, – сказал Зиганшин мягко, – еще раз прошу поверить, что я вам не враг. Поскольку я очень обязан Галине Ивановне, то ради нее пойду на многое, чтобы облегчить вашу участь, и если не смогу помочь, то уж точно не сделаю вам хуже. Расскажите мне правду.

– Правда в том, что я не понимаю, откуда взялся этот бред! Я, приличный человек, вдруг сижу среди каких-то быдланов!

– Тише, тише, – осадил его Зиганшин, – быдланов вы еще не видели. Вы сидите в самой безопасной камере во всем изоляторе. Допускаю, что там не с кем поговорить о высоком, но вас не покалечили и не изнасиловали. Поверьте, это большое преимущество.

– То есть я еще должен подвергнуться насилию из-за вашего произвола? – выкрикнул Ярослав и заметно побледнел.

– Давайте перейдем к делу. Итак, главный вопрос: виновны вы или невиновны? Подумайте, прежде чем ответить, потому что если вы будете меня обманывать, то я ничем не смогу помочь.

– Нечего мне думать, я никого не убивал! Господи, ну что же это такое! Как сделать, чтобы мне поверили и выпустили отсюда?

– Спокойно, Ярослав, я для этого и приехал. Давайте разберем все улики.

Михайловский сел. Сначала он смотрел на Мстислава Юрьевича раздраженно и настороженно, огрызался, но быстро втянулся в диалог и к середине разговора рассуждал уже не как подсудимый, а как ученый, поставивший дикий эксперимент с собой в главной роли.

Почему его флешка нашлась там же, где тело Инги Валерьевны, он объяснить не смог. Точнее, предложил множество вариантов, ни один из которых не удовлетворил бы даже самый доброжелательный суд. Это раньше надо было дублировать информацию, а теперь зачем, если все хранится в облаке? Сломался компьютер, ничего страшного, покупаешь новый, заходишь со своей учетки, и все восстанавливается. Так что флешка нужна довольно редко. В частности, студенты, которые помогают ему на экспериментах с собаками, не хотят помещать фотогра-

фии нигде у себя, чтобы не прослыть жестокими, они с фотоаппарата скидывают на флешку и отдают ему.

Он сохраняет информацию в своем облаке, и после этого флешка может валяться где угодно. Иногда он забывает ее в гнезде рабочего компьютера, иногда в ящике стола, иногда дома. Ее мог взять кто угодно, и не с дурными намерениями, а просто вдруг понадобился носитель информации. Могла даже сама Инга Валерьевна прихватить. Зашла в ординаторскую, побеседовала с сотрудниками, а флешку машинально сунула в карман.

Машиной он вообще пользуется редко. Это подарок отца на двадцать пять лет, и хоть водит он хорошо, но поскольку живет в центре, всюду ходит пешком или в крайнем случае в метро. Это получается намного быстрее и спокойнее.

Обычно машина скучает в гараже, и только раза два в месяц Ярослав выводит ее проветриться. Едет в область, в какое-нибудь интересное историческое место.

Мстислав Юрьевич подумал, что эта привычка свидетельствует не в пользу молодого человека: раз катается по области, значит, изучил топографию и знает, где можно без помех угробить свою жертву. Хотя машину подарили на двадцать пять лет, стало быть, совсем недавно... Но тогда это объясняет, почему в первых двух случаях он использовал транспорт жертвы, а со Стрельниковой – свой.

Гараж, сказал Ярослав, располагается далеко от дома, отец купил его еще в дремучие советские времена. Как были тогда построены длинные ряды кирпичных боксов, так и стоят. Ни камер, ни охраны гаражевладельцы не позаботились приобрести.

Мстислав Юрьевич поморщился. Гаражные кооперативы – это такая головная боль, такой рассадник криминала, что остается только возносить к небесам ежедневные молитвы, что его территорию в свое время обошла стороной постройка этой заразы.

На всякий случай он записал координаты гаража Михайловского и решил съездить туда, потолкаться среди завсегдатаев и на полудикой шиномонтажке, которая там обязательно есть.

Ключи от машины и от гаража, для удобства похитителей нанизанные на одну связку, Михайловский держал в своем рюкзаке. На вопрос, почему не дома, разумно ответил: «Чтобы не создавать себе лишних проблем, если автомобиль понадобится срочно».

Кроме кафедры, клиники и вивария, молодой человек нигде не бывал, не зажигал по клубам и даже не посещал библиотеку. Зато, приходя на работу, зашвыривал рюкзак на диван в ординаторской и до вечера забывал о нем. Врачи, особенно хирурги, не сидят целый день в ординаторской, они ходят на операции, в обходы, просто беседовать с больными, консультировать в другие отделения, а если они еще занимаются наукой, то по научным делам. В ординаторской часто никого не бывает, и вытащить ключи мог кто угодно. С одним только условием: этот кто угодно должен быть вхож во врачебные круги.

Или необязательно? Мало ли родственников является на беседу с доктором? Похититель может прикинуться как раз таким радетелем за ближнего своего, или, того лучше, медпредом. Вариантов масса.

Но это все фантазии, которые разбиваются о непреложный факт: когда сотрудники полиции стали изымать ключи от машины, те спокойно лежали в рюкзаке.

Зиганшин сказал, что больше у них, скорее всего, не будет возможности поговорить наедине, так что если Ярослав хочет чем-то поделиться, сейчас самое подходящее время.

Михайловский покачал головой.

– Ярослав, теперь дело за Галиной Ивановной и вашими родителями. Пусть нанимают адвоката, и дальше я буду уже общаться с ним. Если вы настаиваете на своей невиновности, то мы будем пытаться добыть доказательства в нашу пользу. Но если вы все же сделали то, в чем вас обвиняют, признайтесь если не мне, то хотя бы адвокату. Вас осудят и без вашего признания, но вовремя сказанная правда поможет вам получить самое мягкое наказание из возможных.

– Я ничего не делал, – простонал Михайловский, – ну хоть вы-то мне поверьте!

– И еще один момент: в камере, пожалуйста, держите себя с достоинством, но вежливо. Не провоцируйте.

Михайловский только махнул рукой.

Зиганшин редко полагался на интуицию, но почему-то вышел из следственного изолятора почти уверенный, что бедняга Ярослав никого не убивал.

Его возмущение и негодование не выглядело наигранным, хотя Мстислав Юрьевич знал, что есть люди, которые врут, как дышат, а есть и такие, что говорят чистую правду с таким видом, будто лгут.

«Впечатление и доказательство – это совершенно разные понятия», – напоминал себе Зиганшин, но все равно сочувствовал парню, попавшему в такой ужасный переплет.

* * *

После смерти Инги из кабинета убрали все ее личные вещи, но Руслану было тяжело в нем находиться на правах хозяина. Сидеть за ее столом, включать стационарный компьютер, с экрана которого ни у кого не поднялась рука убрать заставку: семейную фотографию Инги с мужем и детьми, на которой они, счастливо улыбаясь, прижимаются друг к другу, не зная, что их ждет.

Наверное, вещи, обстановка, все это было ни при чем, просто, когда он садился в ректорское кресло, сразу думал: «Сейчас Инга меня застукнет и прогонит!», и только через минуту вспоминал, что она уже никогда не войдет в свой кабинет.

Наваливалась глухая тоска, он пытался забыть в работе, углублялся в документы, быстро терял логику в ворохе бюрократических штампов и раздраженно думал: «Что за глупость, надо Инге позвонить, пусть объяснит!»

Он дал себе слово, что доведет до конца все начинания Инги. Последнее время они нечасто беседовали по душам, но сейчас, тоскуя по ней, Руслан вспоминал, что она говорила во время их свиданий, когда еще не была ректором. Рассказывала ему, что хотела бы изменить, что внедрить, от чего отказаться, а он почти не слушал, только говорил, что она очень умная.

Теперь эти разговоры всплывали в памяти, и Руслан планировал переделку приемного отделения, открытие шокового зала и палат наблюдения – в общем, делать то, что считала нужным Инга, но не успела.

Он так привык к костылям, что тянул с протезированием, понимая, что это дело непростое и небыстрое.

Сначала нужно будет подгонять протез, потом учиться на нем ходить, и хоть сейчас это не какая-нибудь деревянная нога, как у пирата, а современное функциональное устройство, все равно потребуется много сил и времени, чтобы к нему привыкнуть. Лучше отложить, пока он освоится с новыми служебными обязанностями. Пока и на костылях он всюду успевает.

Секретарша принесла ему кофе и доложила, что в приемной сидит разъяренный Царьков и требует аудиенции.

– Требуется – примем, – улыбнулся Руслан.

Заведующий кафедрой кардиохирургии Царьков слыл великим гением, которому удалось сохранить природную доброту и простоту манер.

Он действительно со всеми был ласков и любезен, так что Руслан сам не понимал, за что недолюбливает этого хорошего человека. Царьков когда-то вел у студента Волчеткина курс сосудистой хирургии, так что официально мог считаться его наставником, которого не принять – верх неблагодарности.

– Пригласите. И, Катенька, если вас не затруднит, спросите, что он хочет, кофе или чай, и сделайте. Я бы сам его угостил, но костыли...

Руслан развел руками.

Ему нравилось козырять перед сердобольной секретаршей своей немощью.

Вошел Царьков, и по его непривычно суровому виду стало ясно, что он настроился на серьезный разговор:

– Руслан Романович, надо что-то делать!

– Безусловно. Всегда что-то надо делать, это жизнь.

– Вы понимаете, что надо как-то реагировать? Задержан убийца Инги Валерьевны, и кто же это оказался? Не кто иной, как наш аспирант!

«Все-таки профессия накладывает отпечаток на человека, – подумал Руслан, – бедняга прочел столько лекций, что теперь слова в простоте не скажет. Сплошная риторика».

– Наш аспирант, – продолжал Царьков, вышагивая перед Русланом, словно перед аудиторией, – а мы сидим и никак не реагируем!

– А как мы должны реагировать? – развел руками Руслан. – Ингу-то все равно не вернешь. Ингу Валерьевну, – быстро поправился он.

– По крайней мере мне непонятно, почему маньяк-убийца до сих пор числится у меня в аспирантуре!

«Мало ли в твоей аспирантуре перебивало маньяков-убийц», – про себя ухмыльнулся Руслан. Сейчас Царьков слегка успокоился, а в расцвете лет хватался за самые рискованные операции, даже за те, которые заведомо были обречены на провал. Его научные интересы балансировали на грани жизни и смерти, и в среде хирургов он имел заслуженное прозвище «Джек-Потрошитель», а пропагандируемые им операции за глаза называли «новым методом хирургической эвтаназии». Руслан тогда был совсем молодой доктор и не мог судить, насколько оправдан риск, на который идет Царьков, но считал его подвижником, руководствующимся самыми благородными мотивами. Только освоившись в профессии, он начал понимать, что не совсем все было бескорыстно в этом подвижничестве.

Руслан вздохнул и жестом пригласил Царькова успокоиться и сесть.

– Маньяком он станет только после суда, а покамест Михайловский такой же гражданин, как и мы все, только обвиненный в убийстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.